

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЗЕМЛИ

АЛЕКСАНДР РЫБАЛКА

Издательство “Книга-Сефер”

Александр Рыбалка

Обратная сторона земли

«Книга-Сэфер»

Рыбалка А.

Обратная сторона земли / А. Рыбалка — «Книга-Сэфер»,

Александр Рыбалка определил свой роман «Обратная сторона земли», как магический роман-путешествие. Журналист израильской русскоязычной газеты, купленной руководителем секты корейцем Муном, получает задание – отправиться в Китай, в загадочный район, где стали появляться духи и демоны, и написать об этом серию сенсационных репортажей. Героям книги – журналисту и его подруге-переводчице, а также феям, даосам, горным духам и лисам-оборотням – предстоит схватиться за спасение человечества не только с магическими тиграми, но и с древними тварями – порождениями верований давно исчезнувших цивилизаций, существовавших сотни тысяч лет назад на месте нынешнего Китая. Совсем рядом, у нас под ногами находится густонаселенная ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЗЕМЛИ.

© Рыбалка А.

© Книга-Сэфер

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Рыбалка

Обратная сторона земли

Действующие лица:

Бенджамин Таль – израильский журналист

Мун – основатель «Универсальной церкви Муна»

Яо – переводчица с китайского на русский, и наоборот

Гао – лейтенант китайского спецназа

Сюн – девушка-фея

Лю Дунбинь

Хэ Сянгу

Чжонли Кван

Као Гуоцзю – Бессмертные даосы

Лань Кайхэ

Ли Тайгуай

Чжан Гуаляо

Хань Сянци

Чжан Лин – пока еще смертный даос

А также горные духи, лисы-оборотни, драконы, привидения и Небесные Тигры.

Часть 1

ШИЦЗИН (КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ)

*Птица пэн обитает
В далеком море Бэйхай
Приют волшебного феникса –
Горный восточный край.*

– Веник, что ты больше любишь – собак или фаршированную рыбу? – спросил меня редактор, как только я вошел в его небольшой кабинет.

– Кушать или как? – в тон ему ответил я, доставая из «дипломата» диск со статьями. Наш редактор бурную студенческую молодость провел, защищая честь родного ВУЗа на подмостках КВН, поэтому в любую минуту нужно быть готовым к ответу на его каверзный вопрос. Причем безо всяких 30 секунд, как на разминке, а сразу.

– Скажем, кушать...

– Тогда предпочту индейку. Кстати, собак породы «чау-чау» в Китае ели, а их название происходит от звукоподражательного «чав-чав».

– Так ты еще и в Китае разбираешься? Хорошо...

Давид раскрыл лежащую перед ним папку с золоченым тиснением «Соединенные Штаты Америки. Министерство обороны» и принялся выбирать оттуда какие-то бумаги.

К слову сказать, редактор нашей газеты питал слабость к аксессуарам могущественных организаций. На стене у него висел пропуск в ООН (правда, годный всего на один день, но это было видно только тому, кто отваживался подойти поближе). Важные документы хранились в папке Министерства обороны США (Давид был там на экскурсии)... У случайного посетителя сразу складывалось впечатление, что подлинная кухня мировой политики находится именно здесь, на задворках Тель-Авива, где размещался четырехэтажный небоскреб газеты «Период».

– Ну вот, – редактор, наконец, нашел между бумагами плотный кожаный конверт. В таких обычно туристические фирмы посылают билеты, и я сразу насторожился. – Тебе известно, что нашу газету купили?

– Группа Муна?

– Они самые.

Мун – основатель «Универсальной церкви Муна» – создал огромную империю средств массовой информации, не меньшую, чем Максвелл или Мердок. Сейчас всеми делами заправлял его старший сын, и я был немало удивлен, что его длинная рука дотянулась и до Израиля.

– Основные интересы группы Муна находятся в Америке и на Дальнем Востоке, – продолжил Давид. Я не смог удержаться, чтобы не перебить его шуткой:

– Недалек тот час, когда Дальний Восток станет Ближним!

– Уже стал, – откликнулся редактор. – Поедешь в Китай!

Я засмеялся:

– Остроумно!

– Я серьезно, – тут по лицу Давида я понял, что он действительно не шутит (когда работаешь с человеком много лет, начинаешь различать такие вещи). – В Китае сейчас поднят шум вокруг одного места, не менее загадочного, чем Бермудский треугольник. Там пропадают люди, наблюдаются странные явления, и тому подобное.

– Можно про это почитать?

– Можно, – кивнул головой редактор. – Если китайским владеешь. Вся эта информация – по строго дозированным сообщениям китайской прессы. А вообще-то для тебя подготовлен дайджест на английском языке. Как у тебя с английским?

– Свободно! – гордо ответил я. – Вот с китайским слабовато.

– Не страшно, у тебя будет переводчик. Продолжаю. Твоя задача – все там облазить, побеседовать с местными жителями (через переводчика, понятно), и подготовить материал разворота этак на три. Как это делают в «Комсомолке». С фотографиями.

– Почему именно я?

– Но ведь ты же у нас работал в газете «Сенсация»? Типично твоя тема.

– Нет, я не в этом смысле. Почему Мун не пошлет кого-нибудь из американских журналистов?

– Ты что, совсем дурной? – удивился Давид. – После того, как американцы разбомбили китайское посольство в Белграде, их только там и ждали. А евреи не вызывают у среднего китайца никаких отрицательных эмоций. Кроме того, у Муна наверняка должны быть свои планы относительно того, почему он хочет слить эту информацию именно через израильские газеты. Сам понимаешь, твой материал пойдет и на русском, и на иврите, а потом Мун его даст через сеть своих американских газет. За все тебе заплатят.

– Выгодно, черт побери! Однако, как на Кипр или в США – так ты едешь, а в гиблое место меня посылаешь.

– Ну, такие материалы – это твоя прерогатива, ты у нас специалист по сенсациям, – польстил мне Давид. – И потом – скажи спасибо, что не в Чечню и не в Газу.

– Спасибо, – с чувством сказал я.

– Вот здесь билеты и инструкции. Едешь на две недели... в общем, мне тебя учить не надо.

Я взял кожаный конверт и ехидно спросил:

– Ты меня туда посылаешь в расчете, что я пропаду без вести?

– Ну что ты! Если хорошо справишься – поедешь в круиз в Бермудский треугольник. За счет газеты!

Давид посмеялся, а потом решительно взялся за телефон, давая понять, что разговор окончен.

Спустившись на лифте с четвертого этажа, я зашагал по улице в сторону автостанции (ехать предстояло послезавтра, так что сборы должны быть недолги). В Китай так в Китай! Если говорить серьезно, задание это на первый взгляд представлялось более безопасным, чем поездка в Восточный Иерусалим.

Неожиданно у меня за спиной завизжали по асфальту шины... Я резко обернулся (Израиль приучает людей к быстроте реакции), готовый к любому повороту событий – от ареста израильской полицией (она обычно не нуждается в причинах) до схватки с арабскими террористами, которых какой-то черт занес в промышленный район Тель-Авива. Но из остановившейся возле меня серенькой «мазды» вышел молодой азиат (китаец? кореец?) в дорогом сером костюме под цвет машины. В руке он бережно держал мобильный телефон.

– Вы журналист Бенджамин Таль? – спросил он по-английски.

– Да, – я еще и кивнул.

– Поговорите по телефону, – с этими словами он протянул аппарат мне.

Немного удивившись, я взял мобильник и уже хотел приложить его к уху, как нацмен сказал:

– Не так, – и показал мне, что аппарат следует держать перед лицом.

Черт побери, у него была «Киосера»! Мобильный видеотелефон с миниатюрной камерой и цветным экраном – я такой видел только на картинках; в Израиле, как мне сказали, он не будет работать – не тот формат передачи данных. Однако на цветном экране я увидел еще одного азиата, только уже постарше. За его спиной маячили покрытые красным лаком толстые деревянные колонны – китайский ресторан? Похожие я видел в Москве, в ресторане «Пекин».

– Шалом, – неожиданно сказал азиат, и перешел на английский. – Моя фамилия Мун. Вам предстоит поехать в Китай по моему поручению. Кроме статьи, которую надлежит сдать редактору, вы должны будете дать мне подробный отчет о поездке. Отчет сдадите прямо в Китае, там вас найдет мой связной.

– Понял, – я внимательно глядел в экран, стараясь не пропустить ни одного слова. Как видно, Мун не держал видеотелефон в руках, а прислонил его к чему-то в полуметре от себя.

– Вы поедете в район горы Мао, – и Мун уставил указательный палец прямо мне в лицо, – постарайтесь хорошо подготовиться к этой поездке.

Тут мне показалось, что Мун упал, и я вздрогнул. Нет, это его мобильник завалился на бок, и показал перевернутую на 90 градусов стоявшую справа от Муна белую статую какого-то тощего старика. Из статуи торчали натуральные пучки волос! Мун с легкой улыбкой вернул аппарат в прежнее положение и сказал:

– Главное, запомните – не все то, о чем пишут в газетах, неправда.

При этих словах экран погас.

Кореец, весь разговор с невозмутимым видом стоявший около машины, протянул руку за аппаратом. Но я не торопился его отдавать, разглядывая чудо техники.

– А мне говорили, что в Израиле он не будет работать, – наконец сказал я.

– Обычный не будет, – кореец и руки не опускал, но и признаков нетерпения не проявлял. – Это спутниковый вариант, очень дорогой.

– И сколько же он стоит? Может, я себе возьму, на платежи, – я положил аппарат в протянутую руку, как милостыню подал.

– Три с половиной тысячи долларов, – шутки кореец не понял, у него наверняка была хорошая зарплата. – Но пока говорить по нему мало с кем можно – только с обладателями таких же аппаратов.

– С твоим хозяином, например?

– С НАШИМ хозяином, – он голосом подчеркнул слово «нашим». – Но он вряд ли вам даст свой личный номер.

С этими словами адъютант Муна полез в машину. Я спросил вдогонку:

– А что это за гора Мао? Ее так называли в честь Мао Дзе Дуна?

– Почему-то европейцы думают, что в Азии все построено и названо в честь Великого Кормчего. Хотя до него наша цивилизация развивалась четыре тысячи лет.

В его голосе прозвучало легкое – легчайшее – раздражение. Собственно, чего я и добивался своей шуткой. Я могу вывести из себя кого угодно, даже нашего редактора Давида, хотя невозмутимостью он может поспорить с китайскими отшельниками. Да что там говорить – любой китайский отшельник после первого же дня работы в израильской газете стал бы биться головой об компьютер, а после второго дня ушел бы обратно в горы. Как Алитет.

Добравшись до автостанции, я сел там в маршрутное такси и сразу же вытащил из конверта подготовленный для меня дайджест китайской прессы. Начало первой же статьи гласило:

«Гора Мао – традиционное место обиталища даосских магов. Считалось, что им ведом секрет бессмертия».

Дальше в подготовленном для меня дайджесте следовали не менее интересные сведения.

«Пропала группа из четырех американских туристов...» Ну, это мелочь. Небось, занимались шпионажем, их арестовали, а теперь действуют по принципу «НЛО и Бермудский треугольник все спишут».

«Группой местных крестьян было поймано животное, которое назвало себя „ба“. К сожалению, животному удалось бежать из амбара, где его заперли».

Что за бредятина? Как это «животное назвало себя»? А документы, интересно, у него были?

«На вспаханном поле утром видели необычные следы, которые не удалось идентифицировать». Не «ба» ли это наследило, часом?

«Местные жители несколько раз наблюдали издали процессию людей, одетых в ярко-красные одежды и бредущих куда-то с корзинами. При приближении люди исчезали».

Ясное дело, украли что-то в колхозе, и несли это на рынок. Мне вспомнился стишок из моего детства:

«В китайской коммуне „Алеет восток“
В селе за рекою погас огонек».

Последнее сообщение в довольно длинном списке (там приводились факты и похлестче) меня потрясло. Как потрясло бы оно любого (бывшего) советского человека.

«Согласно сообщению специальных источников, в Центральном Комитете КПК рассматривалась жалоба крестьян на второго секретаря уездного комитета партии. Они обвиняли его в том, что под личиной коммуниста скрывается тысячелетний лис-оборотень»!

«Вот ведь перерожденец!» – усмехнулся я про себя. Всякое повидал я на своем журналистском веку, однако коммунисты-оборотни мне еще не попадались. То есть были среди них, конечно, хитрые, как лисы, но до тысячелетнего возраста они, слава Богу, не доживали.

Я начал припоминать известные мне даты китайской истории. Так, этот лис должен был вступить в коммунистическую партию еще при императорской династии Тан. Или тогда он был рыным монархистом?

Среди всего этого бреда я, наконец, нашел какую-то конкретную информацию – мне предстояло отправиться в район Гуан-синь провинции Цзянси. Так прозаически теперь называлась местность, где некогда орудовали даосские маги.

Высочив из маршрутки в своем родном Реховоте, я решил зайти в какой-нибудь книжный магазин и обзавестись хотя бы простейшим русско-китайским разговорником. Таковой нашелся быстро – напечатанная на грубой бумаге книжка, где простые русские фразы превращались в малопонятное китайское мяуканье, записанное кириллицей.

Конечно, раз я овладел ивритом, мне и китайский был бы по плечу, но не за два же дня, в конце концов! Привет – «нинь хао»...

Повторив эту фразу несколько раз, я почти уже добился акцента, слышанного мною в китайских боевиках, но тут мне пришла в голову жуткая мысль.

Дело в том, что китайский язык представляют собою несколько совершенно различных диалектов. В центре страны говорят на «мандарине», а ближе к югу властвует кантонский диалект, совершенно непохожий, так что одни и те же иероглифы они произносят по-разному, а уж общаться могут только в письменной форме (поскольку иероглифы имеют одно и то же значение по всему Китаю). На каком же диалекте говорят в провинции Цзянси?

Тут я вспомнил, что неподалеку от моего дома недавно открыли новый китайский ресторан – кошерный, кстати говоря. Интересно, имеется ли у них в наличии хотя бы один живой китаец, или все изыски восточной кухни производятся израильскими поварами? Поскольку время уже давно перевалило за обеденное, я решил посмотреть на живого китайца (надо привыкать), а заодно встретиться вплотную с подобием той пищи, которую мне придется потреблять в ближайшие несколько недель.

Ресторан назывался стандартно: «Битва дракона с тигром». По слухам, на исторической родине китайских ресторанов так называют рагу, изготовленное из мяса змеи и дикой кошки.

Я зашел внутрь. Обстановка ничем не напоминала ту роскошь, среди которой я сегодня наблюдал Муна – несколько деревянных, покрытых белыми скатертями столиков, стойка, в конце которой находился открытый с одной стороны стеклянный ящик. В центре ящика полы-

хал адский огонь. Присмотревшись, я увидел колдовавшего за стеной огня китайца с большой сковородой в руках.

– Что будете кушать? – неожиданно обратился ко мне китаец на иврите (хотя и с сильным акцентом).

– Кисло-сладкое мясо и рисовую лапшу, – заказал я знакомые блюда.

Китаец, как и подобает истинному сыну Востока, не изменился в лице, хотя я почувствовал, что мой простецкий заказ он не одобряет. Мне же эти блюда были знакомы по одному псевдокитайскому заведению, расположенному на тель-авивской автобусной станции. Я имел привычку заказывать себе пакет такого блюда и уплетать его в маршрутке по дороге до Реховота, пока, наконец, не понял, что не все пассажиры могут вынести ароматы китайской кухни.

Я сел за столик. Пламя в стеклянном ящике страшно зашипело, грозя превратиться в пожар, который в минуту пожрет это заведение... но так же внезапно оно и стихло, и китаец очутился передо мной с аппетитно пахнущей тарелкой.

– Нинь хао, – сказал я ему, демонстрируя только что приобретенные познания.

Китаец улыбнулся, но мне пришлось все же перейти на иврит.

– Извините, мне предстоит ехать в провинцию Цзянси, поймут ли там меня? – с этими словами я вытащил разговорник.

– Он написан на русском! – изумился китаец.

– Вы знаете русский? – тут уже пришла очередь изумиться мне.

– Я – нет, но мой отец был учителем русского языка.

Я зачитал несколько фраз из разговорника. Китаец послушал их, кивая головой, потом сказал:

– Да, этот разговорник составлен на «мандарине». В провинции Цзянси, насколько мне известно, разговаривают на этом диалекте. А почему, разрешите спросить, вы туда едете?

Я прикинул, что если бы этот китаец был сотрудником спецслужб, то вряд ли бы работал в захудалом ресторане, поэтому ответил:

– Меня направляет редакция одной газеты, чтобы расследовать кое-какие загадочные происшествия. Вот, например...

Я вытащил из кармана листок бумаги. Наш осторожный редактор не одобрил бы такое поведение... но где я могу найти настоящего китайца? Обратиться в китайское посольство? ... животное по имени «ба»... потом процессия людей в красных одеждах, пропавших неведомо куда.

Китаец усмехнулся:

– Похоже, вас кто-то разыгрывает. Подобные явления описаны в «Записках о поисках духов» и прочей китайской мистической литературе. Вы не подумайте, что я простой повар, мои родители дали мне хорошее образование, но вот приходится работать, чтобы содержать семью, – сказал он, как бы извиняясь, а затем продолжил: – Но раньше таких вот людей в красном видели только в Запретном городе, в императорском дворце.

– Что они там делали?

– Это духи, – спокойно ответил китаец. – У нас в Пекине говорили, что многие места Запретного города еще и сегодня закрыты для посетителей потому, что там время от времени появляются духи. А куда конкретно в провинции Цзянси вы летите?

– Какой-то район Гуань-Син. Вам что-нибудь известно о нем?

– Как я читал в книгах по мифологии, там раньше обитали даосские отшельники. Но лично мне бывать в этих местах не приходилось.

– Странно... А правда ли то, что даосам ведом секрет бессмертия – или, по крайней мере, они могут жить сотни лет?

– А кто это может проверить? У нас был сосед, так он говорил, что практикует даосскую магию, и еще говорил, что ему двести лет...

– Это правда?

– Кто знает... Я могу сказать лишь то, что мой отец знал его в детстве уже глубоким стариком, да и на моей памяти он не изменился. А вы через Пекин полетите? – неожиданно китаец переменял тему разговора.

– Да, а что?

– Вы не могли бы передать письмо моим родителям? Мне не очень хотелось бы отправлять его обычной почтой – знаете, у нас в Китае очень внимательно относятся к тем, кто работает за границей. Вам никуда не придется ехать – только позвонить, и мой отец приедет за письмом. У вас не будет никаких сложностей – он прекрасно говорит по-русски. А если захотите, он покажет вам того старого даоса, о котором я говорил.

Последний аргумент показался мне наиболее интересным:

– Ладно, – согласился я. – Когда вы дадите это письмо?

– Завтра. Зайдите в это же время, я вам передам конверт, и еще накормлю за счет заведения. Кстати, меня зовут Вэнь, – представился китаец.

– Тогда мы с тобой почти тезки, потому что меня зовут Бэн. Правда, это сокращенное имя.

Прощавшись с гостеприимным китайцем, я вышел. Будет неплохо, если у меня в Китае заведется пару адресов, куда можно будет обратиться в случае чего. Кто знает, зачем меня Мун посылает в Китай? Не для того ли, чтобы потом дать в сети своих газет сенсационный материал «Пропажа израильского журналиста»?

Дома среди обычной рекламной почты, которую в Израиле разносят просто мешками, мне попался необычный конверт. Я распечатал его и увидел приглашение на лекцию.

Мне часто присылают приглашения на разные мероприятия – в расчете, что я напишу об этом в газете и прославлю устроителей на весь русскоязычный Израиль. Но тут тема лекции меня просто насторожила.

Завтра в Бней-Браке какой-то незнакомый мне раввин должен был читать лекцию на тему «Связь еврейского и китайского мистицизма». Откуда в Бней-Браке, этой цитадели ортодоксии, может взяться знаток китайской мистики? В любом случае, для себя я сразу же решил, что поеду.

Уже отправляясь ко сну, я зашел в ванную, чтобы почистить зубы. В висевшем над умывальником зеркале мне, казалось, промелькнуло что-то странное.

Точно – внутри зеркала флуоресцировала полоска непонятного бледного цвета. Я оглянулся – нет, за спиной ничего не было. Потер зеркало – никакого результата. Наконец, выключил свет – полоска продолжала светиться.

Не поняв ее происхождения, я отправился спать – завтра предстоял напряженный день.

С утра мне пришлось вертеться, как белке в колесе. Сборы, получение визы и так далее заняли почти все время до вечера. Несмотря на это, я все-таки успел заскочить к новому своему знакомому – китайцу из ресторана, взять у него письмо (небольшой плотный конверт), номер телефона (позвонить) и адрес (на всякий случай).

Вечером мне обязательно хотелось побывать на лекции о связи еврейской и китайской мистики, так что, облачившись в строгий костюм и прихватив черную ермолку, я отправился в Бней-Брак.

Выяснилось, что найти улицу Эльханан, где должна была состояться лекция, совсем не так просто. Это оказался маленький переулочек вдали от центральной магистрали – улицы рабби Акивы, этой Дерибасовской Бней-Брака. Я дошел до указанного в приглашении номера, и в неясном свете фонарей увидел лишь пустырь. Ошарашенный, я хотел уже было повернуть обратно, но тут в глубине пустыря заметил какое-то строение, куда непрерывно заходили люди.

При ближайшем рассмотрении мне представилась малюсенькая синагога барачного типа, заполненная самым разношерстным народом. Тут были и ортодоксы в черных фетровых шля-

пах, и их жены в жутких свалявшихся париках, и какие-то парни в джинсах со своими подружками, пробитыми пирсингом в самых неожиданных местах. Я занял место в первом ряду, между двумя какими-то совершенно отмороженными хасидами (по крайней мере, они ни разу не заговорили со мной, что очень странно для Израиля). Наконец вышел лектор, невысокий раввин с умным и хитрым лицом, в шапке из рыжеватого меха. Он снял штраймл и положил его на стол, обнажив публике черную бархатную ермолку, из-под которой выбивались завитые рыжие пейсы. После недолгих аплодисментов он начал:

– Дорогие друзья! На первый взгляд, казалось бы, какая может быть связь между мистикой Ближнего и Дальнего Востока? Но вам нужно только ее увидеть!

С этими словами он посмотрел чуть ли не прямо мне в глаза.

– Даосизм считает весь мир полем взаимодействия двух начал – Инь и Янь, женского и мужского. Так же и Каббала считает, что мир создается взаимодействием «олам а-дхура» – мира мужского, это «Янь» иудаизма, и «олам а-нуква» – мира женского, который представляет собой не что иное, как даосское понятие «Инь». Мир мужской представляет собой силы влияющие, мир женский – испытывающие влияние...

Раввин жонглировал понятиями Каббалы и даосизма, как шариками, легко перескакивал с арамейского (языка Каббалы) на китайский и обратно. Где-то минут через десять я уже потерял нить его рассуждений, и принялся рассматривать самого лектора.

Одна деталь в его костюме мне показалась странной. Брюки раввина были заправлены в носки (отличительный признак гурских хасидов, больше так никто не ходит). Однако хасиды эти носят высокие соболиные шапки, напоминая допетровских бояр. Шапка же нашего лектора, как я уже упоминал, состояла из какого-то всклокоченного рыжего меха, бывший хозяин которого побывал во многих передрягах. Такое несоответствие верха и низа меня слегка смутило, но, в конце концов, я решил, что раввин мог получить шапку по наследству от отца, а тот был хасидом другого двора.

Тем временем раввин достал из портфеля какую-то табличку, на которой перекрещивались странные линии, каждая из которых имела на конце кружок.

– Вы знаете, что это такое? – спросил лектор.

Публика замычала, вспоминая.

– Это из «Книги ангела Разиэля»! – наконец раздалась возгласы из зала.

– Похоже, правда? – раввин улыбнулся. – Однако ничего подобного. Перед нами – китайский Талисман Счастья. На нем вы видите изображения созвездий, как их рисуют даосские маги. Тут я должен вам напомнить о так называемом «небесном иврите» – алфавите, которым пользовались средневековые каббалисты. Каждое из созвездий они изображали в виде одной буквы древнееврейского алфавита, и рисовали их таким же способом.

– Ну, это легко объяснить, – вмешался я с места. – Уже тогда были налажены торговые связи с Китаем – вспомним хотя бы Великий Шелковый Путь. Ничего странного, что наши амулеты попали к ним – или их к нам.

– Такая разгадка была бы слишком простой, – тонко улыбнулся раввин. – Вы забываете об одном: весь мистицизм исходит из одного источника.

На этом лекция закончилась, и народ как-то очень быстро разошелся. Сам раввин, нахлобучив мохнатую шапку, двинулся в сторону маленькой двери, находившейся в дальнем углу синагоги. Я окликнул его:

– Извините, у меня есть еще один вопрос.

Он остановился, с интересом взглянув на меня.

– Мне предстоит скоро отправиться в Китай, в провинцию Цзянси. Что вы знаете об этих местах?

Секунду лектор подумал, а потом, бросив на меня хитроватый взгляд, коротко ответил:

– Все.

После чего скрылся за маленькой дверью. Я не стал его преследовать – в самом деле, есть ли у него (и у меня) время, чтобы выслушивать о провинции Цзянси ВСЕ?

Возвратившись в свой родной Реховот, я завалился спать, не забивая себе голову раздумьями о судьбах китайской мистики – у меня будет вдоволь возможности заняться этим в Китае. Единственное, что меня беспокоило – непонятная светящаяся полоска, плавающая в зеркале. Явно, это какая-то флуоресценция. Не радиоактивна ли она? В наше время можно ожидать радиоактивности от любого продукта, даже от парного молока.

Утром самолет родной компании «Эль-Аль» уже тащил меня в Пекин. Соседом моим оказался пожилой религиозный еврей, забросивший свою шляпу на полку для багажа и оставшийся в одной ермолке.

– Как с кашрутом будем в Китае? – спросил я его с подковыркой. Понятно, что в Пекине достать кошерную пищу не легче, чем в том же Бней-Браке – суп из сладких муравьев по-кантонски. Однако сосед на мой сарказм не отреагировал.

– Я с собой тридцать пять килограмм багажа везу – пищу и посуду. А как закончится – придется питаться одними овощами, – сообщил он.

– Ясненько... А вы откуда?

– Из Бней-Брака.

– Да я же там только вчера был! Причем на очень интересной лекции – о связи еврейской и китайской мистики.

– Где же она происходила?

– На улице Эльханан.

– Я живу совсем неподалеку. На Эльханана нет ни зала для выступлений, ни синагоги.

– Там была такая маленькая синагога на пустыре!

Сосед посмотрел на меня странно:

– Эта синагога стоит полуразрушенной вот уже много лет. Я никогда не видел, чтобы туда заходили люди.

– Возможно, ее отремонтировали совсем недавно?

– Удивительно, что я этого не заметил.

Но тут стали разносить еду, и мы отвлеклись от мистических разговоров. Я ел обычную эль-алевскую пищу (все кошерное, разумеется), а соседу принесли закатанный в фольгу пакет высшей кошерности с печатями каких-то немислимых раввинов. Поев, я погрузился в сон (ранние подъемы страшно меня утомляют), а когда проснулся, нас уже снова собирались кормить. За такими приятными занятиями прошел практически весь полет, а когда мы подлетали к Пекину, я только протирал глаза после очередной дремы (весь полет продолжался около 11-ти часов).

И тут я заметил, как в небе над Пекином, почти на уровне нашего самолета, играют, сплетаясь и расплетаясь, два дракона. Не наших, европейских (наши все-таки пожестче и больше напоминают динозавров), а китайских – длинных, рогатых и бородатых. Один из драконов был красно-киноварного цвета, а другой – зеленый. Но не цвета советской бронетанковой техники, а скорее нефритовый или изумрудный.

Я закрыл глаза, а когда открыл их – видение исчезло. Должно быть, это промелькнули два воздушных змея. Или просто не стоило так налегать на пиво?

Аэропорт Пекина оказался огромным. Не то, чтобы я думал, что самое крупное здание в мире – это тель-авивская автостанция, но она потерялась бы там, как на этой самой автостанции теряется впервые попавший туда путешественник.

После придирчивого паспортного контроля (мой израильский паспорт вызвал у китайских таможенников не больше реакции, чем «паспорта датчан и разных прочих шведов» – у бдительных жандармов, проверявших документы Маяковского) я вышел в зал встречающих.

Редактор обещал, что у меня в Пекине будет переводчик – люди Муна все организуют. Вот только переводчик с какого на какой?

Среди толпы встречающих сразу же бросился в глаза плакат на иврите. Чуть сфокусировав зрение, я понял, что на плакате написано мое имя, а сам плакат держит молодая симпатичная китайка в синей куртке и черных брюках. Как только я приблизился к ней, она сказала:

– Здравствуйте!

и попыталась взять у меня чемодан. Как джентльмен, я не мог уступить, и после короткой борьбы китайка сдалась.

– Вы Бенджамин Таль? Меня зовут Яо, я буду вашей переводчицей.

По-русски она говорила довольно чисто, хотя и с заметным китайским акцентом.

– Как вы меня узнали? – спросил я.

– Мне передали по электронной почте вашу фотографию. И рисунок плаката, с которым я должна была вас встречать.

– А я думал, вы сами его написали.

– Я не знаю иврита, – Яо не поняла юмора. – В Китае вообще почти невозможно найти человека, который знал бы древнееврейский язык.

Мы вышли к машине – довольно приличного вида «Ситроену». Странно, мне почему-то казалось, что нам придется ехать на каком-нибудь военном джипе.

– Сейчас поедem в гостиницу, вы отдохнете, а завтра с утра отправимся в путь, – сказала мне переводчица.

– У меня одно небольшое дело в Пекине, – я достал из кармана листок с телефоном, – просили передать письмо из Израиля.

– Можете позвонить прямо сейчас, чтобы не терять времени, – Яо достала из кармана мобильный телефон.

Я несколько раз набирал номер, но трубка только что-то недовольно квакала по-китайски. Наконец переводчица приложила телефон к своему точеному ушку – и сморщилась.

– Этот телефон отключен, – пояснила она.

– Значит, придется туда съездить, – твердо сказал я. Мне очень не хотелось подводить своего знакомого.

Яо взглянула на адрес и решительно сказала:

– Мы туда не можем ехать.

– Почему?

– Потому, что это очень далеко!

– Но мне обязательно нужно передать это письмо! – настаивал я.

Яо задумалась, потом сказала:

– Ладно, по плану мы все равно должны выезжать только завтра утром. Но учтите – адрес, который вам дали, находится в очень отдаленном районе Пекина. Поэтому мы оставим ваши вещи в гостинице, и сразу же поедem туда.

– Отлично. Заодно и город посмотрю.

Моя переводчица улыбнулась:

– Путь в этот район пролегает по не самым лучшим местам Пекина. А я хотела сегодня немного показать вам нашу столицу.

– Ничего, – я твердо решил не падать духом. – Посмотрю Пекин на обратном пути.

Наша машина неслась (а кое-где и ползла, застревая в пробках) среди лавины велосипедов. Но и машин тоже было немало! Вообще Пекин, к моему удивлению, оказался современным городом. В центре города оказались новые здания из стекла и бетона, ничуть не отличающиеся от аналогичных строений Тель-Авива или Хайфы. Стандартизация стремительно выкорчевывает самобытность городов, скоро можно будет вообще никуда не ездить, а оставшиеся немногочисленные архитектурные памятники рассматривать с помощью Интернета. Я

ожидал, что посреди китайской столицы будут оставлены хотя бы старинные пагоды для привлечения туристов, как это сделано в Токио и Сеуле (я там не был – видел по телевизору), но, видимо, железная метла культурной революции подмела все.

Наконец мы добрались до небольшой гостиницы спартанского типа (по израильским меркам – минус три звездочки), где я оставил вещи, и мы тут же поехали на задворки Пекина – отвозить письмо.

От разницы во времени голова у меня кружилась (в Израиле сейчас должна была быть глубокая ночь). Я взглянул на часы... Черт, сколько сейчас должно быть времени на самом деле? И что мне лучше делать – перевести часы сразу же на Пекинское время, или остаться пока во времени израильском, чтобы адаптироваться?

Наш водитель, молчаливый китаец средних лет, лавировал между велосипедами с потрясающей ловкостью. Яо что-то сказала ему на китайском, водитель только молча кивнул и свернул в какой-то переулок.

– Я попросила его поехать самой короткой дорогой, – объяснила мне переводчица.

– А по дороге у нас нигде не получится покушать? – спросил я, чувствуя неприятное посасывание под ложечкой. «Эль-Аль» кормит хоть и часто, но понемногу, и последний раз я ел в самолете четыре часа назад.

– Тогда лучше сделать это сейчас, – ответила Яо. – Там, куда мы едем, вряд ли можно будет получить что-то приличное.

– Да мне бы хоть чего...

Моя просьба была передана водителю, он резко развернулся (никого при этом, не сбив), и вскоре мы очутились в каком-то таинственном месте, где нас окутало облако потрясающих ароматов съестного характера. Рот у меня моментально наполнился слюной, как у собаки Павлова. Осмотревшись, я увидел, что мы стоим посреди маленькой улочки, вдоль тротуаров, которой расположены лотки, на которых жарится, варится, парится самая невероятная снедь – от обычных копченых уток до спрутов и трепангов.

– Что вам взять? – спросила Яо.

– Сам посмотрю, – захлебываясь слюной, наконец, выговорил я и вылез из машины. Переводчица нахмурила свои очаровательные бровки, но вылезла за мной.

– О, что это такое? – прямо рядом с машиной на лотке жарились на вертеле какие-то малюсенькие птички, размером ненамного больше колибри.

– Это воробьи, – присмотревшись, сказала Яо.

– Осень вкусно! – вдруг заговорил по-русски торговец, заметив мой интерес. И сразу же, сорвав с огня два шампура, протянул мне. Я не смог устоять, и взял их, показывая на пальцах, чтобы он добавил еще два.

Воробьи по вкусу чем-то напоминали перепелок, которых мне приходилось есть в Сочи, только были еще нежнее. Умяв первый шампур (с таким аппетитом, что стоящие рядом китайцы стали на меня оборачиваться), я промурлыкал из Высоцкого:

Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

– Вы явно не китаец, – засмеялась Яо, когда я буквально за пару минут зверски расправился со всеми четырьмя шампурами.

– Я даже и не кореец, я еврей, – не удержался я от знакомого анекдота. – И вообще это была не собака, а фаршированная рыба.

Мы вернулись в машину, и прерванный маршрут продолжился. Яо тихонько сказала мне на ухо:

– Не надо на улице петь песни Высоцкого. Могут быть неприятности...

У меня глаза полезли на лоб:

– Вы знаете Высоцкого?

– А что тут странного? Миллионы китайцев учили русский язык. И уж тем более знают песни Высоцкого про Китай. Кто-то смеется, но большинству они не очень нравятся.

А тем временем машина, двигаясь по ведущему наружу радиусу Пекина, переходила от бедных слоев к еще более бедным. Из современного центра мы попали в слой хрущевских пятиэтажек, а когда проехали и его, то потянулись совершенно уже разномастные домики, крытые то толем, то шифером.

– Это не совсем Пекин, – извиняющимся тоном сказала Яо. – Тут раньше была деревня, которую мегаполис втянул в себя.

– Как спрут приблизительно, – закончил я.

Шофер несколько раз высовывался из кабины, чтобы уточнить у проходящих китайцев адрес (тут они вполне соответствовали моему представлению о средневековых китайцах – в каких-то лохмотьях и с сандалиями на ногах), и наконец, мы остановились возле совсем небольшого домика, крашеного синей краской. Я вылез из машины, разминая затекшие ноги (поездка продолжалась более двух часов, не считая моего вклада в дело уничтожения воробьев) и закричал:

– Эй, есть тут кто живой?!

Хлопнула дверь, и на крылечке показался опрятный старичок в черных джинсах и куртке-маодзедунке.

– Вы заблудились? – почти без акцента спросил он. – Я всегда рад помочь русским товарищам.

– Надеюсь, что не заблудился, – ответил я, доставая из кармана письмо. – Вы отец Вэня?

Вопрос был чисто риторическим, так как вряд ли в этих краях проживает много людей, владеющих русским.

– Да, а что? С ним что-то случилось?

– Напротив, с ним все в порядке, и он просил передать вам письмо, – с этими словами я вынул из кармана куртки конверт. Старик со всех ног бросился к машине, чуть ли не выхватил письмо у меня из рук и прижал его к груди.

– Пожалуйста, заходите в дом! Чем я могу угостить таких дорогих гостей?

– Благодарю, мы не голодны, а вашим гостеприимством воспользуемся как-нибудь в другой раз – у нас очень мало времени. Но мне ваш сын рассказывал, что здесь неподалеку живет даос, которому якобы двести лет. Я журналист, и мне очень бы хотелось на него посмотреть.

Старик засмеялся:

– Ну, что ему двести лет, он говорил еще в пору моей молодости. Сейчас, должно быть, уже немного побольше. Если хотите, пройдем к старику Сунлину. Он будет рад, особенно, если вы что-нибудь у него купите.

Моя переводчица, присутствовавшая при этом разговоре, явно была недовольна, и, увидев это, отец Вэня что-то сказал ей по-китайски. Она ответила:

– Говорите по-русски, чтобы понимал наш гость.

– Это совсем близко, метров тридцать от моего дома.

Мы пошли по улице (она была даже не замощенной), и вскоре увидели какую-то хибару, состоявшую из прилепленных один над другим этажей. Над дверью красовалась потертая красная вывеска с несколькими резными иероглифами. Отец Вэня толкнул дверь и закричал:

– Господин Сунлин? Вы дома?

Понятно, все разговоры велись на китайском, а Яо их переводила мне шепотом на ухо. Я себя чувствовал так, как будто попал живьем в какой-то китайский боевик.

Кто-то затоптал на лестнице, и со второго этажа спустился старый китаец с усами, бородой и пышными седыми бровями. Мне почему-то казалось, что даос будет одет в рясу, но на нем были обычные брюки и такая же куртка, как на отце Вэня.

– Проходите, пожалуйста! – закричал Сунлин неожиданно сильным голосом.

Мы вошли внутрь, и оказались внутри какого-то подобия антикварной лавчонки. Вдоль всех стен шли полки, на которых валялись пыльные статуэтки, куски оленьих рогов, какие-то лапы, пластинки с выгравированными знаками (они напомнили мне те, что показывал на лекции бней-бракский раввин). Пока отец Вэня быстро о чем-то лопотал с Сунлином (так быстро, что Яо даже бросила переводить), я рассматривал лавочку. Да, не похоже, чтобы здесь бывало много покупателей.

Одна статуэтка показалась мне знакомой – тощий старик, вырезанный из слоновой кости. Из головы старика торчали настоящие пучки волос. Точно такая же стояла за спиной Муна!

Я взял статуэтку в руки:

– Сколько это стоит?

– Это даосское божество здоровья и долголетия, – пояснил мне отец Вэня, и, переговорив с даосом, заключил:

– За сорок юаней он вам ее отдаст.

– Хорошо... А правда ли, что ему двести лет? Переведите, пожалуйста, вопрос.

Выслушав, Сунлин улыбнулся и ответил:

– Свидетельства о рождении у меня нет. А поверите ли вы на слово бедному торговцу? Вот лучше посмотрите это зеркало – может быть, оно вам понравится.

С этими словами он взял с полки металлическое зеркало, сдул с него пыль, протер рукавом и, держа обеими руками, установил точно напротив моего лица.

Я автоматически достал расческу и начал поправлять растрепавшиеся волосы, после чего спросил:

– Мне предстоит ехать в провинцию Цзянсы. Вы можете что-нибудь рассказать об обычаях этой местности? Говорят, там еще остались даосы?

– Вам нужно ехать – так езжайте, – не очень вежливо сказал Сунлин.

Я попрощался, мы вышли из лавки и вернулись в Пекин. Через день я уже был в уезде Гаунь-син провинции Цзянси. Мы с переводчицей отправились в лес, чтобы осмотреть загадочную местность. Лес бы очень густой – какая-то смесь тайги с джунглями, и через несколько часов Яо куда-то пропала, а я заблудился.

Я ходил по лесу два дня подряд, и никак не мог выйти на какую-нибудь дорогу. Плодовых деревьев мне обнаружить не удалось, так что я ужасно страдал от голода. Хорошо хоть, несколько раз я выходил к ручьям, и утолял жажду чистой родниковой водой.

К исходу второго дня я вышел к каким-то горам, и решил подняться к вершине, чтобы с высоты осмотреть местность и решить, в какую сторону идти. Я начал медленно карабкаться на гору, стараясь выбирать наименее крутые места. Когда я поднялся чуть ли не на километр, то начал накрапывать дождь, и дальнейший подъем стал опасен – легко можно было соскользнуть вниз с намокшего склона.

Поглядев по сторонам, я увидел на склоне горы вход в пещеру, где можно было бы укрыться от дождя и немного отдохнуть. Однако когда я добрался до нее, то пещера оказалась обитаема – недалеко от входа я увидел лежанку, накрытую потертым ковром, стол... Дальше в пещере располагалась вырубленная в скале комната, где на грубо сделанных деревянных полках стояли причудливые стеклянные сосуды с какими-то снадобьями.

Уж не в жилище ли отшельника-даоса я попал? Возможно, он ушел в лес собирать травы, а когда вернется, я смогу спросить у него, как добраться до ближайшего населенного пункта.

Тем временем дождь снаружи все усиливался. Но тут послышались звуки настоящего урагана, и кто-то ворвался в пещеру. Я выглянул из внутренней комнаты, и увидел, что в

пещере находится огромная обезьяна, густо поросшая белым мехом. Обезьяна стояла на задних лапах, и была чуть ли не трехметрового роста!

Что это – снежный человек? Но здесь, в субтропиках, не совсем подходящий для него климат.

Обезьяна (вернее, обезьян – это был самец) тоже меня заметил, и вдруг заговорил на русском языке:

– Что ты делаешь в моей пещере?

Его слова звучали прямо у меня в голове, из чего сделал вывод, что обезьян пользуется телепатией (а откуда бы такая тварь могла знать русский язык – посещала, что ли, китайскую школу?).

– Я журналист, – ответил я, – хотел исследовать ваши места, но заблудился, и случайно набрел на эту пещеру.

– А я – дух этой горы, – просто ответил обезьян, не подвергая мои слова сомнению. – Ты забрел очень далеко от обитаемых мест, придется тебе пожить у меня некоторое время, пока какие-нибудь лесорубы или собиратели лекарственных трав не покажутся в наших лесах, чтобы я мог вывести тебя к ним. Сам понимаешь, не могу же я в таком виде отвести тебя в город. А пока ты живешь у меня в пещере, поможешь мне с изготовлением «киноварной пилюли».

Я знал, что «киноварной пилюлей» даосы называют средство для достижения бессмертия. Но зачем она понадобилась горному духу?

– Хотя я и могу жить сотни, и даже тысячи лет, – ответил дух на мой мысленный вопрос, – но, тем не менее, я не бессмертен, и мне когда-нибудь придет свой срок. Конечно, если до этого времени я не изготовлю пилюли бессмертия.

С тех пор каждый день по утрам горный дух улетал, чтобы обследовать леса и горные луга, с которых он приносил нужные ему травы. По вечерам дух возвращался с целыми охапками этих трав, которые мы перебирали, отваривали, процеживали, толкли в ступках... Часто бывало, что от целого снопа травы или вороха листьев оставалось не больше горсти препарата. Обработкой трав в основном занимался я, в то время, когда обезьян рыскал по лесам и полям.

Питались мы только плодами и кореньями, которые приносил дух, а пили чистую воду. Больше всего меня поразило, что духу тоже надо было кушать!

Пока мы ели, или когда я устал от перетирания трав, горный дух рассказывал мне о пути Дао, о других духах, которые населяют этот мир... Одну пилюлю он обещал дать мне, чтобы я тоже мог присоединиться к синклиту Бессмертных.

Однажды дух сказал:

– Наше средство почти готово. Мне осталось найти еще одну его часть, чтобы мы закончили великую работу. Но эту часть найти труднее всего.

С этими словами обезьян покинул пещеру, и появился только через два дня, волоча с собой мешок, в котором что-то трепыхалось. Каков же был мой ужас, когда дух открыл мешок, и вытряс оттуда опутанную веревками Яо!

– Я нашел эту девушку в лесу, где она что-то искала, – сказал мне дух. – Это последнее средство, которого нам не доставало. Выпусти из нее кровь, процеди, а затем перемешай с той мазью, которая стоит у стены в желтой стеклянной банке. Женская кровь символизирует Инь – пассивное начало природы... Да смотри, не вздумай с ней блудить, а то «киноварная пилюля» станет для тебя бесполезной!

Сказав это, обезьян кинулся на свою лежанку и захрапел.

Так значит, Яо пыталась меня разыскать!

Я достал нож, разрезал путы на китайянке и незаметно вывел ее из пещеры, сказав:

– Беги в лес! Мне же придется остаться, иначе горный дух сразу же кинется за нами в погоню.

Когда Яо скрылась в лесу, я поймал двух горных голубей, зарезал их, а кровь сцедил в то снадобье, которое указал мне горный дух.

Проснулся он только к вечеру, и сразу же спросил:

– Готово?

Я кивнул головой. Дух бросился в ту комнату, которая служила нам лабораторией, зачерпнул гигантской лапой пригоршню мази и отправил ее себе прямо в рот!

Как только он проглотил мазь, его стало корежить (я пулей выскочил из комнаты), он упал на пол, завертелся волчком, и наконец, взорвался, осыпав все вокруг дождем огненных брызг! Меня контузило, и я потерял сознание...

А когда очнулся, увидел, что все так же стою перед зеркалом в лавке на окраине Пекина и поправляю прическу.

– Я бы вам не советовал ехать в те края, – сурово сказал даос. – Вы не верите в силу старинных рецептов. Запомните – никогда ничего нельзя менять!

Ошарашенный, я двинулся к двери. Меня шатало, как будто я действительно несколько недель провел в лесу. Сунлин, казалось, смотрел на меня совершенно безучастно, но только когда я запнулся о порог, бросил вслед несколько слов.

– Он просит задержаться, – перевела мне Яо.

Я обернулся и увидел, что старик подходит ко мне с зеркалом в руках.

– Великий даос Гэ Хун говорил, что зеркала необходимы для борьбы с демонами. Зеркало заставляет злые силы показать свой истинный лик, – сказал он (естественно, в переводе Яо).

– Что ему надо заплатить? – спросил я севшим голосом, сунув руку в карман за деньгами. Старик, поняв мой жест, сделал отрицательный знак рукой и очень резво для своих двухсот лет удалился в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Всю дорогу до гостиницы я не проронил не слова. Происшествие с зеркалом настолько меня потрясло... чувства, боль и страх, которые я испытал, были так естественны...

Яо бросала на меня косые взгляды, но ничего не говорила, и только, когда мы уже подъезжали к гостинице, склонилась к моему уху и произнесла:

– Не надо чересчур доверять этим даосам. В большинстве своем они просто фокусники и гипнотизеры.

Когда мы возвратились, был уже поздний вечер. Постепенно приходя в себя, я заметил, что жизнь на улицах Пекина не утихает с наступлением темноты, как это бывает в городах победившего социализма... Похоже, Великая Стена китайского коммунизма дает трещины.

Яо проводила меня в мой номер, при этом строго сказала:

– Завтра утром мы выезжаем!

Я не стал рассказывать ей о видении, посетившем меня в лавчонке старого даоса. Хотя, может, и зря – рассказ бы успокоил меня, помог расставить все по полочкам... В конце концов, у меня же есть уже одна тема для материала в газету! И если скептический Давид, редактор нашего «Периода», откажется принять это за документальный очерк – я вполне смогу напечатать его как фантастику.

Хотя от усталости ломило все тело, заснуть я не мог. Сейчас бы баночку пива, да сигаретку выкурить... В конце концов, должны же быть здесь ночные лавки!

Оглядев жалкую обстановку гостиничного номера, я вышел в коридор, спустился по бетонной лестнице и оказался на улице. Прямо напротив гостиницы призывно переливался огнями киоск – вроде фонаря, на свет которого должны лететь подгулявшие мотыльки. Решительно перейдя улицу, я сказал киоскеру (китайцу средних лет и достаточно потрепанной внешности):

– Пи-цзи!

Как я уяснил себе из романов Сорокина, это означает «пиво». Продавец обрадовался, залопотал чего-то по-китайски, но я решительно перешел на более знакомый мне английский:

– Энд смоук!

И сделал жест, как будто курю сигарету. Китаец поставил передо мною большую поллитровую банку, изукрашенную иероглифами, и положил пачку сигарет. Я бросил на прилавок несколько юаневых купюр (никогда не расплачивайтесь в Китае долларами – могут быть неприятности), и, пока мне отсчитывали сдачу, открыл банку, чтобы убедиться, правильно ли понял меня продавец... В банке оказалось самое обычное пиво – ничуть не хуже и не лучше, чем израильское «Маккаби». И стоило за этим лететь на край света?

Я пересек пустынную улицу в обратном направлении, с банкой пива в руке, и только тут заметил, что возле двери нашей гостиницы стоит «газик». Я уже было собирался войти в вестибюль, как из «газика» выскочили несколько людей в серых костюмах и быстро подбежали ко мне, перегораживая вход в гостиницу.

– Вы Бенджамин Таль? – спросил один из них по-русски.

– Он самый, – согласился я.

– Прибыли из Израиля?

– Так точно.

– Тогда просим вас проехать с нами, – и они стали, чуть ли не силой подталкивать меня к машине.

– Э, что это такое! – заорал я. – Позовите нашего консула!

Но меня уже втянули в машину, которая, взвизгнув шинами, рванула с места.

– Консул вам не понадобится, – сказал по-русски все тот же китаец.

– Куда вы, черт побери, меня везете?! – возмутился я.

Китаец помолчал немного, видно, находя подходящие слова, а затем сказал:

– Мы едем в квартал Вытягивателей Жил.

«Вытягивателей жил?!»

Я напрягся. Сон с меня как рукой сняло, и я принялся лихорадочно соображать, что же мне делать. Конвоиры не выглядели особенно крепкими, и будь на моем месте Джекки Чен, он без труда раскидал бы их. А как быть с шофером? Или прыгнуть из машины на полном ходу?

Ночью улицы Пекина оказались почти полностью очищены от велосипедов (те, кому рано утром надо на работу, не гуляют по ночным клубам), и «газик» несли по улицам китайской столицы со страшной скоростью.

– Куда мы едем? – еще раз спросил я, на этот раз более агрессивным тоном.

– Я же вам сказал, – ответил говоривший по-русски китаец неожиданно вежливо.

– Покажите ваши удостоверения! – ничего лучшего мне в голову не пришло.

– А вы понимаете по-китайски? – резонно ответил мой спутник.

Идиотская ситуация. Если это сотрудники китайских спецслужб, то вступать с ними в рукопашную никак не годится – можно потом оказаться в китайской тюрьме, которая значительно менее комфортабельна, чем израильская. Просто буду молчать, как рыба, и все время требовать израильского консула.

Круто развернувшись, машина въехала в маленький дворик – точнее, промежуток между двумя стенами. Меня попросили выйти из машины, и я выскочил с таким видом, как будто только что сошел с картины «Арест пропагандиста».

– Пройдите внутрь, – китаец сделал приглашающий жест рукой, и я, пройдя через несколько двориков, оказался в большом запущенном зале, вдоль стен которого стояли покрытые лаком резные деревянные шкафы, а в центре находилось огражденное деревянными перилами возвышение. На возвышении стоял изящный столик, а на столике лежала островерхняя шляпа с вуалью, чем-то похожая на марлевые маски пчеловодов.

Что это? На китайское КГБ явно не похоже. Уж не попал ли я в руки какой-то секты? Что эти китаезы болтали там про «вытягивателей жил»?

В зале еще находилось несколько пожилых людей – кто в обычных, хотя и поношенных костюмах, а кто в каких-то мантиях.

– Что вам, черт побери, от меня надо? – закричал я, хотя никто и не думал на меня бросаться. – Вы кто – Вытягиватели Жил?

Один из китайцев, сидевших возле стены, сморщился и резко заговорил по-китайски, после чего встал, подошел ко мне и сказал уже на русском языке:

– Не волнуйтесь, мы больше не называемся Вытягивателями Жил. Сейчас наш квартал называется Переулком Священного Писания. А вы находитесь в синагоге...

– В синагоге? Может быть еще скажете, что вы еврей? – спросил я у старого китайца.

– Совершенно верно, один из немногих кайфыньских евреев, еще оставшихся в Пекине. Вы знаете, зачем вас сюда пригласили?

– Пригласили? Меня похитили ночью от моей гостиницы! Я думал, что меня везут сюда, чтобы вытянуть все жилы и сделать китайские народные инструменты.

– Наш район назывался кварталом Вытягивателей Жил потому, что мы удаляем ахиллово сухожилие из туш скота, который идет в пищу – вы ведь должны знать, что употребление в пищу этой жилы запрещено Торой...

Пораженный, я кивнул. А китаец-еврей продолжал:

– По субботам мы еще собираемся в синагоге, но нас осталось очень мало. Сегодня вечером ко мне пришли несколько даосов и попросили перевести один документ с иврита. Конечно, я читаю Тору во время субботней службы, но почти ничего не понимаю из прочитанного. Тогда я посоветовал найти туриста из Израиля...

– Но почему меня?

– А на каком языке мы бы еще могли общаться?

– Логично... Но я не профессиональный переводчик! И перевести, как вы сами догадываетесь, могу только с иврита на русский.

– Ну, а на китайский мы уже сами переведем, – ко мне, широко улыбаясь, подошел один из тех китайцев, которые меня привезли. Вся эта история казалась крайне подозрительной, хотя с другой стороны, в логике даосам отказать было нельзя – получив какой-то документ (как я понимаю, мистического содержания), они обратились к местным евреям, а когда убедились, что помощи от них ждать не приходится – стали искать израильского туриста.

– Вы только нам переведите, как сумеете... И объясните по возможности каждое слово, – китаец достал откуда-то большой красный конверт, и вынул оттуда пожелтевший листок пергамента.

– Не знаю, смогу ли я это прочесть... – вид листка меня смутил.

– Разве вы не владеете ивритом?

– Иврит я знаю достаточно, но ведь у нас есть несколько шрифтов, совершенно друг на друга не похожих. Я умею читать печатный и письменный шрифт, но религиозная литература пользуется обычно так называемым шрифтом Раши... На нем я, боюсь, ни строчки не прочту.

– Ну, хоть попробуйте.

Мне ничего не оставалось, как взять лист пергамента в руки. Опасался я напрасно – он был написан красивыми печатными буквами. Как мне показалось, этот лист аккуратно вырезали из книги. То ли целого ее экземпляра у даосов не было, то ли его не хотели мне показать.

– Сейчас, сейчас, – после целого дня приключений буквы прыгали у меня перед глазами, и я никак не мог сосредоточиться. Тогда я начал читать вслух – и тут же обнаружил, что добрая половина слов мне незнакомы.

– Тут много слов на арамейском языке, – наконец сообщил я столпившимся вокруг меня даосам и евреям (кто из них кто – черт уже разберет). – Вам бы лучше слетать в Израиль и зайти в какую-нибудь иешиву... Шучу, шучу!

Китайцы вежливо засмеялись.

– В этом отрывке речь идет о каком-то демоне, который заставляет людей смотреть в зеркало. Его зовут Марья... или Марьэ? Так на иврите называется зеркало.

– А там не написано, зачем он это делает? – спросил меня старый даос в потерявшей цвет мантии (естественно, с помощью переводчика).

Я еще раз пробежал глазами рассыпающийся на буквы текст:

– Может быть, автор книги, из которой вы выдрали лист, это понимал. Но я уж, извините, разобраться не могу. Мы в Израиле вот уже две тысячи лет не говорим на арамейском языке.

Откуда они все-таки взяли этот лист?

Даосы переглянулись, почикали между собой, и наконец, тот, кого я принимал за агента ККГБ (китайского КГБ) сказал:

– Полного текста у нас нет. Это часть древней рукописи, которая называется «Книга Отражений». Ее написал один китайский еврей более трехсот лет назад.

– Почему же не на китайском? – подначил я.

Китайцы – народ вежливый, но я почувствовал, что мои шуточки им надоели. Поэтому еще раз вперил глаза в странный текст – Нет, – разочарованно сказал я, в конце концов. – Добавить почти что ничего не могу. Вот только мне кажется, что таких демонов, как этот Марьэ, должно быть много.

– А вы не знаете, какие еврейские обычаи связаны с зеркалами? – поинтересовался старый даос.

Мне пришлось пожать плечами:

– Евреи два тысячелетия раскиданы по всему земному шару, и у каждой общины накопились свои обычаи. Там, где жил я – в Европе – в доме умершего человека занавешивают все зеркала. Мне объяснили – это для того, чтобы в них не смотрелась душа умершего...

Перевод моей речи китайцев удовлетворил.

– А сейчас вы не могли бы вернуть меня в гостиницу? – между прочим, я уже валился с ног. – Если хотите – скопируйте мне этот лист на ксероксе, а когда я вернусь в Израиль, то найду кого-нибудь, кто разбирается в мистике, и сделаю вам подробный перевод.

– Спасибо, не надо, – вежливо ответил «агент ККГБ». – Нам этот перевод нужен был срочно, и мы уже услышали от вас все, что хотели.

Китайский еврей вызвался проводить меня к машине, а все остальные уважительно двинулись за нами.

– Скажите, а что у вас за шляпа лежит с сеткой? Здесь много пчел?

– Нет, – усмехнулся узкоглазый еврей. – Когда у нас читают Тору, то чтец закрывает лицо прозрачной тканью, для того, чтобы своим дыханием не осквернять святой текст.

Мы тепло попрощались (в синагоге хотели, чтобы я остался на субботу, но я объяснил, что завтра утром уезжаю в провинцию), и машина на той же бешеной скорости понесла меня в гостиницу.

По дороге я вспоминал знакомые мне обычаи... В синагоге я бываю нечасто – но кое-что вспомнил. К сожалению, уже после того, как оказался в номере и опустил голову на тоненькую подушку.

В синагогах никогда не бывает зеркал!

Однажды я пришел в синагогу на обрезание новорожденного сына моего друга. У меня распустился узел галстука, и я тщетно искал зеркало, чтобы его поправить. Тесть моего приятеля – религиозный йеменский еврей – объяснил, что в синагоге зеркал не бывает, а если кому нужно поправить на голове тфилин, то для этого зеркало крепится снаружи...

И в самом деле, снаружи на косяке двери я обнаружил малюсенькое зеркальце, пригодное разве для того, чтобы разглядеть на голове коробочку филактерий. Галстук я попросту сдернул с шеи и сунул в карман.

Утром в дверь страшно заколотили, а потом в комнату ворвалась Яо:

– Где вы были ночью? Я несколько раз выходила вас искать, а с утра хотела идти в милицию!

При словах «выходила искать» мне сразу вспомнилось кошмарное видение, в которое погрузил меня даос на окраине Пекина. Кипящий адреналин наполнил мой организм, так что остатки сна слетели без всякого кофе.

– Яо, никогда больше не надо меня искать. А я был в местной синагоге – ходил смотреть, как живут китайские евреи.

– Ночью? – Яо посмотрела на меня с недоверием.

Мы быстро собрали вещи (я, кстати сказать, почти ничего и не распаковывал), и опять куда-то отправились по запруженным народам улицам Пекина.

– Куда мы едем? – спросил я у моей переводчицы.

– Тут есть небольшой аэропорт, откуда вылетают самолеты внутренних рейсов.

– А я думал, мы поедем до места назначения на этой же машине...

Яо взглянула на меня с удивлением:

– А вам не приходило в голову, что Китай по размерам несколько больше Израиля? Нам бы пришлось провести в дороге много дней.

Примерно через час мы увидели летное поле, на котором стояли несколько ненадежного вида самолетов (по мне, они ненамного отличались размерами от ласточек, чьими гнездами так любят лакомиться китайцы).

Я буквально засыпал на ходу, и мне было бы сложно дойти до самолета – но любезные китайцы пропустили нашу машину прямо на летное поле. Мы залезли в аэроплан...

– А виски будут раздавать во время полета? – спросил я у Яо, чтобы немного подразнить ее.

Она оглядела несколько обитых тощей синей обивкой кресел:

– Думаю, что стюардесса здесь не пройдет.

Оценить чувство юмора моей переводчицы я уже не смог, ибо повалился на кресло, и хотя мне было ужасно неудобно, все же заснул...

А проснулся я только через несколько часов (полет все еще продолжался). Немного придя в себя, я стал думать – рассказать ли мне Яо о разговоре, произошедшем ночью в том странном гибриде пагоды и синагоги, куда меня возили? Поразмыслив трезво, я решил, что больше посоветоваться мне не с кем. К тому же будет нехорошо, если Яо решит, что я от нее что-то скрываю. Еще стукнет куда следует, что я израильский шпион – тогда меня может ожидать судьба китайского Полларда...

– Слышите, Яо, – тронул я ее за плечо (она бросила на меня хитрый раскосый взгляд), – ночью в еврейском храме, куда я ездил, меня встретили даосы.

Она сразу насторожилась, приподнялась в кресле:

– Что-то чересчур много их уже с начала нашего путешествия!

– Они меня просили перевести с древнееврейского на русский один странный текст – про демона, который заставляет людей смотреться в зеркала...

Моя переводчица засмеялась:

– Типичные средневековые предрассудки. Эти монахи хотели бы, чтобы девушки никогда не прихорашивались? В таком случае скажи им, что этот демон уже завладел всем Китаем – у нас вы не найдете такой женщины, которая не пользовалась бы косметикой, разве что в самых глухих деревнях. А как пользоваться косметикой без зеркала?

В доказательство своих слов Яо вытащила из сумочки косметичку и раскрыла ее на секунду перед моим носом. В зеркале мелькнула моя заспанная физиономия с красными глазами... и та же сияющая полоска в глубине отражения, которую я видел в Израиле. Что это – оптический обман или белая горячка?

– У моих соотечественников просто необъяснимая страсть к историям о зеркалах, – смеясь, продолжала Яо. – Я читала, что в том месте, куда мы едем, есть так называемое «Каменное зеркало» – черная скала, один из склонов которой стесан неизвестными силами и отшлифован до блеска. Получилось некое подобие зеркала. Считается, что если в него посмотреться, можно увидеть, кем ты был в прошлой жизни.

– Обязательно туда посмотримся, – заверил я Яо. – И я не сомневаюсь, что в прошлой жизни вы были не менее хорошенькой, чем в этой.

– Разве евреи верят в переселение душ? – удивилась китайка. – Я думала, что это особенность только нашей религии.

– Верят, но не все, – усмехнулся я. – А кроме буддистов и даосов, в переселение душ верят еще и индуисты.

Заметив интерес в хорошеньких глазах Яо, я преисполнился энтузиазма продолжить свой рассказ:

– Вообще в китайской и еврейской мистике много общего. По крайней мере, так уверял меня раввин, лекцию которого я слышал перед самым отлетом. Но самое интересное другое – когда я летел в самолете, один израильтянин уверял меня, что дом, где проходила лекция, давным-давно заброшен.

Яо нахмурилась, но глаза ее пускали чертиков:

– Да вы просто смеетесь над бедной девушкой! Такие сказки я слышала с детства. И, разумеется, ваш раввин, в конце концов, оказался лисом?

– Ну почему именно лисом?! – удивился я.

– Потому, что таков сюжет большинства китайских преданий. И еще потому, что наши предки верили – оборотни любят устраивать обманы в заброшенных зданиях.

Откинувшись в кресле, Яо полуприкрыла глаза и стала читать наизусть:

«Доживший до тысячи лет фазан уходит в море и становится устрицей; доживший до сотни лет воробей уходит в море и становится мидией; дожившая до тысячи лет черепаха-юань научается говорить, как человек; дожившая до тысячи лет лиса становится прямо и превращается в красавицу; дожившая до тысячи лет змея, разорвавшись, разрастается по частям; по дожившей до ста лет крысе можно гадать».

– Откуда это?

– Из Гань Бао, «Записки о поисках духов». Классика китайской литературы. Подумать только, в какую чепуху верили наши предки!

– Исходя из услышанного, я могу сделать вывод, что в прошлой жизни вы были тысячелетней лисой, – не удержался я от того, чтобы не ввернуть еще один комплимент.

Разумеется, с мистики мы свернули на обычные бытовые темы, и до самой посадки болтали о том, о сем. Я узнал, что Яо закончила иняз Пекинского университета, у нее пожилые родители и еще младший брат, которому необходимо дать образование.

Наша маленькая птишка летела чуть ли не полдня, а потом пилот из поднебесья резко спикировал к крохотному аэродрому меж рисовых полей.

– Выгружаемся, – сказала Яо.

– Мы уже прибыли?

– Почти что, – моя спутница выглядела немного озабоченной. – До ближайшего к долине селения нужно добираться автобусом.

Мы вытащили вещи из самолета, и пошли к выходу из аэродрома. Собственно, его и аэродромом можно было назвать только в очень большом приближении – квадрат плотно утоптанной земли, рядом с которым стоял длинный зеленый барак, исписанный иероглифами.

– Ждите меня здесь, я узнаю, на чем мы можем ехать, – бросила мне Яо и убежала в барак.

Я остался охранять грудку наших вещей, и продолжалось это так долго, что я уже подумывал по возвращении в Израиль потребовать у начальства оплатить мне полставки сторожа. Наконец Яо выскочила, на ходу разводя руками.

– Ближайший рейсовый автобус в то место идет только через три дня, – с виноватым видом сообщила она.

– Как же мы будем добираться? Может, найдем машину?

– Не волнуйтесь, мне сказали, что через час туда отходит автолавка. Поедем без удобств, зато быстро доберемся.

Подхватив чемоданы, мы вышли в деревню.

Особой экзотикой китайская глубинка меня не порадовала – точь в точь отстающий колхоз где-нибудь в средней полосе России. Ветхие домишки, из подворотен брешут собаки (и не какие-нибудь чау-чау, а самые обыкновенные дворняжки), в грязи копошатся тощие черные свиньи, еще более злые, чем вышеупомянутые собаки.

Автолавка – обшарпанный желтый фургон с откинутым боком – стояла на некоем подобии площади, а возле нее копошились китайцы. Яо снова оставила меня с вещами и пташкой залетела в фургон. Но выглянула оттуда уже через пару минут, сделав мне жест рукой:

– Грузимся!

Как только я затащил наши вещи и с трудом расставил их между ящиками с бытовой химией, водитель прикрыл лавочку и неожиданно резво для такой колымаги заскакал по колдобинам.

– Покушать бы чего-нибудь, – сказал я переводчице, сделав жалобное лицо. – С утра не евши. Может, у него можно чего-то купить?

Поговорив с водителем, Яо меня обнадежила:

– Он говорит, что у него только тушенка в консервах. Чем есть эту гадость, он в ближайшей деревне отведет нас к тетушке Фэнь – там делают такие мантоу, что и император не едал.

– А что такое мантоу? Какие-нибудь черви?

– Ну, зачем же? – Яо не поняла шуток. – Это вроде того, что у вас называется «пельмень» – только маленькие, и делают их с разной начинкой – мясом, грибами, трепангами...

Яо рассказывала с таким аппетитом, что я чуть не захлебнулся слюной.

Наконец мы все же заехали в еще более маленькую деревушку. Возле единственного каменного здания водитель остановился, и достал из-под сиденья перевязанную бечевкой пачку газет. Из здания выскочил тощий китаец в поношенном зеленом френче, подбежал к фургону, и водитель тут же вручил ему эту пачку.

– Газеты, видимо, сюда поступают нечасто, – заметил я Яо.

– А кто их здесь будет читать? – ответила она. – Видите, водитель привез «Жэньминь жебао» (это орган Китайской компартии) сразу за всю неделю, ее просмотрит местный агитатор и разъяснит крестьянам текущие события.

Признаться, за много лет жизни в Израиле я уже отвык от такой лексики. Но тут водитель, прежде чем открыть лавку, провел нас к пожилой китайке (она жила зажиточно по здешним меркам), где мы с Яо сели в прелестном садике, ожидая, пока нам подадут мантоу.

– Сиди спокойно, – сказала мне Яо. – Водитель сказал, что без нас никуда не уедет.

Наконец нам подали мантоу – нечто вроде пельменей-недомерков. Яо тут же принялась лихо хватать их палочками, я попытался последовать ее примеру, но у меня ничего не получилось.

– А вилка в этом доме есть?

Яо перевела мою просьбу тетушке Фэнь, и после длительных поисков мне была вручена пластмассовая вилка, хранившаяся в этом доме как экзотический сувенир на память о поездке в столицу.

Когда мы уже доедали, с улицы послышались крики – как раз с той стороны, где должен был стоять наш фургон. Яо быстро рассчиталась, и мы, обеспокоенные вышли на улицу.

От увиденного зрелища я остолбенел, а мантоу тут же попросились наружу (но я их не пустил).

Мимо нас на самодельных носилках проносили совершенно разложившийся труп, который распадался на куски прямо по дороге.

Но что самое ужасное, на этом трупе был тот же поношенный зеленый френч, который мы видели возле автолавки час назад, а из кармана френча торчала совершенно свежая на вид газета.

Почти все население деревни столпилось вокруг носилок с трупом. Галдели они при этом страшно, размахивая руками и время от времени бросая на нас опасливые взгляды. Наконец Яо не выдержала и присоединилась к многоголосому китайскому хору.

Через пару минут она сказала мне:

– Нам придется немного задержаться в деревне, чтобы помочь этим крестьянам. Не волнуйтесь, автолавка нас подождет.

– А что случилось? – не понял я. – Мы всего лишь проезжающие туристы!

– Тут неподалеку есть опасное место, – начала объяснять мне Яо. – Лощина, где несколько раз пропадали люди. Жители деревни старались туда не ходить. А этот человек, которого вроде бы принесли сейчас из леса на носилках, был местным агитатором и заместителем старосты деревни. Он всегда смеялся над местными суевериями. Где-то час назад его лошадь сорвалась с места и убежала в лес, как раз в сторону этой лощины. Он, естественно, пошел эту лошадь искать... Потом оттуда послышался страшный крик. За кем-нибудь другим местные жители бы не пошли в такое опасное место, но из-за агитатора могут быть неприятности, и немаленькие. А сейчас они просто не знают, что делать... Я посоветовала им составить протокол и подписаться, но они даже не знали, как это сделать. В китайских деревнях, кстати, очень много неграмотных – ведь чтобы читать и писать, надо знать, по меньшей мере, полторы тысячи иероглифов. Так что я сейчас помогу им написать бумагу – много времени это не займет.

– Я могу помочь составить протокол, – предложил я переводчице. – Ведь труп надо будет осмотреть, а кто вам поможет в этом лучше профессионального судмедэксперта?

– А где мы найдем такого? – удивилась Яо. – До ближайшего криминалиста отсюда несколько часов на машине, если не на самолете.

– Это я! – для вящей убедительности я даже показал указательным пальцем на свой нос, как это делают в китайских боевиках.

– Мне же сказали, что вы журналист? – переводчица изумлялась все больше и больше.

– Это в Израиле я журналист... Объясню потом, давайте перейдем к делу.

По профессии я патологоанатом, и в Союзе специализировался на судебной медицине, попутно подрабатывая в разных газетах очерками об ужасных преступлениях. И уж был уверен, что в Израиле я себе работу всегда найду. Каково же было мое разочарование, когда оказалось, что в Израиле специалисты моего профиля не нужны – убийства (не считая терактов) происходят слишком редко, чтобы можно было этим прокормиться всем приехавшим из Союза судмедэкспертам.

Но зато статьи мои знали, мало того – они неоднократно перепечатывались израильской русскоязычной прессой!

Так я попал в газету «Сенсация», где проработал три года, а оттуда плавно перекочевал в более солидный «Период». К слову надо заметить, что за все время пребывания в Израиле мне не приходилось видеть ни одного трупа «живьем» – разве что в боевиках и фильмах ужасов...

Откуда-то принесли столик, стульчик и письменные принадлежности, Яо уселась и быстро принялась рисовать иероглифы один за другим.

– «Ну, прямо дацзыбао», – пропел я строчку из песни, но переводчица сверкнула на меня глазами:

– Укоротите язык. Лучше осмотрите труп.

Мантоу уже успокоились в моем желудке, и я подошел к носилкам, положенным прямо на землю.

– Так, что я могу сказать... Судя по степени разложения, этот человек умер от десяти до четырнадцати дней тому назад. Однако одежда на нем сухая – что очень странно, ведь тело, разлагаясь, выделяет из себя различные жидкости. Возможно, через несколько дней после смерти труп переодели...

Яо оторвалась от бумаги:

– Но мы же сами видели его около двух часов назад! Или, по крайней мере, эту одежду.

– Когда тело в таком состоянии, натянуть на него другую одежду невозможно – будут отваливаться целые куски кожи и мышечной ткани. А тут труп целенький, только очень разложившийся.

Я наклонился и вытащил из кармана френча у покойника газету:

– Яо, что это?

– Это «Жэньминь жебао» трехдневной давности. Из Пекина она могла попасть сюда максимум два дня назад. Нет, я вам говорю, это тот самый человек, который сегодня подходил к автолавке.

– Но что стало с его трупом?

– Вот это я и хочу узнать, вы же только что представлялись судмедэкспертом.

Во время практики мне приходилось иметь дело с разложившимися трупами, но в таком случае и одежда на них выглядела соответствующим образом. А тут – старый труп в новой одежде и свежайшей газетой в кармане.

– Мне приходилось слышать, – задумчиво протянул я, – что некоторые виды ядов ускоряют процесс разложения. Правда, не до такой степени... Если бы здесь нашелся освещенный сарай, пару резиновых перчаток и несколько хороших ножей, я бы дал вам более подробное заключение. Яо, а мы не должны дождаться полиции?

– У нас в Китае народная милиция, а не полиция. И пока она сюда доедет, от трупа вообще ничего не останется. Давайте, сделайте, что можете, и покончим с этим неприятным делом.

Тело павшего коммуниста занесли в какой-то относительно чистый сарай, мне принесли пару резиновых перчаток (садовых, естественно, а не медицинских), и пару садовых же кривых ножей. Морщась, я распорол на трупе всю одежду (что поделаешь – отвык), и принялся тщательно его осматривать.

Когда тело во многих местах совершенно сгнило, невозможно установить, был ли на нем змеиный укус. Тут мне пришло в голову, что покойный член КПК был полностью одет – брюки, френч, на ногах – тапочки. При этом одежда неплохо сохранилась. Я осмотрел ее – отверстий нигде нет, так что если это была змея, то она могла укусить только в руки или лицо (кстати, кисти рук наименее подвержены гниению, так как на них мало мышечной ткани).

Ничего не поделаешь. Придется вскрывать (я подсознательно старался оттянуть этот момент). По состоянию трахеи я предположил, что смерть наступила от остановки дыхания... Однако когда добрался до желудка, тут меня ждал такой сюрприз, что я чуть не упал в обморок.

В желудке разложившегося покойника находилась свежая рисовая каша!

С моих слов Яо быстро дописала протокол, а самые уважаемые жители деревни поставили под ним свои каракули. Я подписываться отказался, мотивируя это тем, что, дескать, не имею разрешения на практику.

– По-моему, он уже давно был трупом, а только прикидывался живым, – вполголоса сказал я переводчице. – С коммунистами это бывает, взять например Ленина – давно умер, а дело его живет...

Яо не поддержала шутки:

– Моя задача – свозить вас в долину и отправить обратно в Израиль, а не на китайскую каторгу. В нашей стране много людей знают язык северного соседа, так что чем осторожнее вы будете в своих высказываниях, тем лучше.

С опозданием больше чем на два часа, автолавка все же выехала из страшной деревни. Вечерело. Яо уселась поближе ко мне (я сидел внутри лавки на единственном кресле, а она примостилась на бауле с вещами, который, казалось, под ее весом даже не проминался) и сказала:

– Крестьяне говорили мне, что не впервые люди пропадают в той лощине. Но обычно трупов не находили, а сами местные боятся городских властей и предпочитают не поднимать шума. Если бы тот человек, которого вы сегодня вскрывали, не был членом партии, его бы и искать не пошли.

«Вот как хорошо быть коммунистом», – подумал я про себя, но не сказал. Привычка держать язык за зубами, забытая в Израиле, возвращалась вновь на уровне инстинкта.

– Я не думаю, чтобы он мог съесть ядовитое растение, – продолжала вслух размышлять Яо.

– Исключено! Тогда бы оно осталось у него в пищевode!

– Возможно, его укусила какая-то ядовитая тварь... Животный мир Китая еще недостаточно хорошо изучен.

– Нигде не писали о подобных случаях? – я вынул из кармана блокнот и принялся вкратце записывать события сегодняшнего дня. Если не на газетный разворот, то на одну полосу материала уже есть. Боюсь только, что историю с ночной поездкой в синагогу к даосам редактор сочтет слишком неправдоподобной. Он и так постоянно напоминает мне: «Ты пишешь уже не в газету „Сенсация“, а в серьезное издание».

– Писали, – Яо усмехнулась. – Лет триста пятьдесят назад подобные случаи собирал Пу Сунлин, и опубликовал «Рассказы Ляо Чжая о необычайном». Они у китайских детей вроде ваших сказок Пушкина.

– Так что, вы хотите сказать, что такие вещи происходили и раньше?

– Естественно. Только их приписывали бесам и лесным духам.

Тут наша машина резко свернула с проселочной дороги и завалилась в кювет. Яо полетела с баула вверх ногами, а я чуть не расквасил себе нос о прилавок.

– В чем дело? – заорал я, вставая.

Яо, похоже, спросила у шофера то же самое. Он что-то удивленно лопотал, показывая пальцем в сторону заднего стекла, за которым виднелась пустая темная дорога.

– Он говорит, что навстречу ему двигалась машина – такая же автолавка, как та, на которой мы сейчас едем. Шофер еще удивился – в этих местах других автолавок нет. Дорога здесь узкая, разъехаться негде, а та машина не сворачивала. Когда съехались совсем близко, пришлось ему свернуть в кювет, чтобы избежать лобового столкновения.

– Тогда где же та машина?.. – я с трудом удерживался от нецензурных выражений, в рассуждении, что шофер их все равно не поймет, а Яо они могут обидеть. – Ладно, мы могли ее не заметить, и она уже скрылась за поворотом, но почему же мы ее не слышим?

Я сделал выразительный знак, призывающий всех замолчать.

Нас окружали только звуки ночного леса.

Возможно, шофер просто задремал за рулем и съехал в кювет?

Во всяком случае, засела машина плотно. Как ни пытались мы вытащить ее на широкую дорогу жизни – бесполезно.

– Утром я сбегаю в деревню и приведу подмогу, – наконец сказал утомившийся водитель. – Тут недалеко, километров двадцать.

– Так это три часа ходу! Давайте сбегаем, пока там все не легли спать! – предложил я переводчице.

– Это для вас три часа, – возразила она. – Мы, китайцы, люди невысокие, и шаг у нас короткий. Меньше чем за четыре часа нам такой путь не одолеть. Да и шоферу не очень-то хочется путешествовать по этим местам ночью.

– Ладно, тогда придется ночевать здесь. У меня в бауле есть палатка...

Яо опасливо оглянулась по сторонам:

– Кто знает, какие твари водятся в этом лесу. Лучше расстелем спальные мешки прямо в машине, а шофер будет спать в кабине.

Так и поступили. В автолавке было тесно, и мы улеглись с Яо на полу, голова к голове.

– Когда шофер пойдет в деревню за подмогой?

– Китайцы встают рано, – я услышал, как Яо хмыкнула. – Когда он уйдет, вы будете еще спать.

Мы лежали еще пару минут, и Яо стала молча вылезать из своего мешка.

– Куда это вы? – поинтересовался я.

– Мне надо выйти, – смущенно ответила она.

Признаться, я и сам давно чувствовал такую потребность (мантоу мы запивали некрепким просняным пивом), но вылезать из теплого спальника наружу очень уж не хотелось.

– Не нравятся мне эти места, – я тоже покинул свой мешок. – Я вас провожу.

– Ну, вот еще, – Яо засмеялась.

– Ничего, мне тоже надо прогуляться. Пойдем по разные стороны дороги, если что – кричите.

Мы вышли из автобуса, окунувшись во влажный и прохладный ночной воздух. Я почувствовал, что мне срочно необходимо опорожнить мочевого пузыря – чересчур долго мне пришлось сдерживаться. С криком:

– Если что, зовите на помощь!

я бросился под деревья.

Тьма вокруг стояла полная. Это была не городская темнота, благородный черный цвет которой разбавлен миллионами блуждающих электрических огоньков, а настоящий первобытный мрак. В такой темноте хорошо думалось о блуждающих вокруг невидимых чудовищах, чьи глаза пристально смотрят на тебя, ожидая неверного движения.

Когда я уже совсем изготавился к тому, чтобы справить малую надобность, мне вспомнился рассказ о живущей в бассейне Амазонки рыбешке, которая имеет обыкновение вливаться в член мочащегося в реку человека.

Струя вырвалась из меня с шипением, чуть ли не как из пивной бочки. И почти в ту же секунду раздался крик Яо:

– Бенджамен! Бенджамен!

Я попытался остановить процесс, но это оказалось невозможным.

– Сейчас! – в отчаянии закричал я. – Подожди секунду!

Мои глаза стали постепенно привыкать к темноте, и я разглядел недалеко от своих ног большую, толстую и достаточно прямую сучковатую ветку. Застегнув, наконец, брюки, я подобрал это орудие с земли и бросился к Яо.

Когда я перебежал через шоссе, то увидел, что мою переводчицу окружила толпа людей в красных костюмах (кофта плюс шаровары) и красных же широкополых шляпах, пытающихся куда-то ее тянуть.

Не думая о том, что это могут оказаться шаолиньские монахи или еще какие-нибудь борцы за счастье народное, и тогда мне придется туго, я треснул ближайшего дрыном по спине.

Он неожиданно легко повалился, и тогда я, перехватив палку поудобнее, стал наносить удары по остальным. Они валились как кегли, и я уже было решил, что в меня вселился дух Брюса Ли, но неожиданно битва закончилась. Все нападавшие, в количестве восьми штук, лежали на земле и не подавали признаков жизни.

Я пошевелил одного из разбойников палкой. Он показался мне нечеловечески легким, и тогда я наклонился и сдернул платок, похожий на пионерский галстук, у него с лица.

Лица, как оказалось, никакого и не было – соломенный клубок, напоминавший приспособление для отработки ударов в карате, служил нападавшему вместо головы. На соломе были грубо намалеваны черты лица.

– Вы что, решили меня разыграть? – недоуменно спросил я у переводчицы.

Между прочим, Яо выглядела достаточно напуганной. Очень осторожно краем туфельки она потрогала чучело одного из разбойников:

– Он соломенный! – наконец догадалась она.

– Не обольщайтесь на мой счет, с живыми я бы так легко не справился, – сказал я саркастическим тоном. – Что это было?

– Я клянусь вам, только что они были живыми, и тянули меня куда-то в лес!

Со стороны автолавки послышалось чириканье на китайском языке – это шофер выскочил нам на подмогу. Яо, как могла, успокоила его:

– Не хватало еще, чтобы наш водитель запаниковал – это простой деревенский парень. Я сказала ему, что испугалась совы, вылетевшей из леса.

Мы вернулись в машину, тщательно закрыли за собой все двери, и только после этого залезли обратно в свои мешки.

Сон все не шел. Наконец Яо сказала:

– Я говорю вам, они были живые.

– Но мы же сами видели солону! Может, у нас галлюцинации? Белочка?

– Что? – удивилась Яо. – При чем здесь белочка?

– Белая горячка.

– А что это такое?

Я подробно объяснил Яо, что такое белая горячка и отчего она бывает – повысил, так сказать, ее словарный запас.

– Спасибо, – сказала она в конце моей лекции, – только я вам точно говорю – эти соломенные пугала шевелились.

Не доверять моей спутнице я не имел никаких оснований.

– Слишком много странных событий с начала путешествия, – шепотом сказал я. – Даосы, евреи, трупы, теперь вот еще эти... чучела. Какая-то мистика. Может быть, могущественные духи не желают, чтобы мы отправлялись в эту долину?

– А почему? – так же шепотом удивилась Яо.

– Ну... Не знаю. Может, там тайком наркотики производят. Мак, например, выращивают, а из него производят опиаты... Выгодное дело!

– Во-первых, у нас в Китае за такое расстреливают, – напомнила мне Яо, что я все еще нахожусь в стране победившего социализма. – А во-вторых, зачем духам наркотики? Тогда бы нас преследовали триады!

– Это китайская мафия?

– Да...

– А как тогда объяснить то, что с нами произошло? Вот хотя бы только что – нападение этих соломенных снопов... Если бы мы были в Японии, я бы подумал на ниндзя – такие штучки как раз из их репертуара...

– Японские ниндзя свои уловки украли у китайцев, – обиженным тоном начала поучать меня Яо. – У нас тоже были свои ниндзя, они назывались «лесными демонами». Если бы вы

внимательно смотрели японские фильмы про ниндзя, то должны были обратить внимание, что в конце «плохие парни» обычно зовут на помощь страшных и неуязвимых китайских убийц.

– Наши израильтяне тоже считают, что все на свете придумали евреи, – подначил я Яо.

Пока Яо думала о том, что мне ответить, я вспомнил про «воинов тумана» – так называл один русский знаток восточных единоборств клан неуязвимых китайских разведчиков. Мне его книги и статьи казались полной туфтой – а может, в них есть сермяжная правда?

Яо, похоже, так и не нашла достаточно остроумной шутки, чтобы мне ответить. Чтобы она не держала обиды, я перевел разговор на то поле, где она могла в полной мере проявить свою эрудицию – на китайскую литературу:

– Яо, а вот я читал роман «Речные заводи» – там вроде перечислены все достижения средневековой военной науки, но вот китайские ниндзя не упоминаются ни словом.

– Еще бы! «Лесные демоны» строго охраняли свои секреты. Если бы кому-то вздумалось не то что описывать их в романе, а просто трепаться об этом на постоялом дворе – не сносить такому человеку головы.

– А сегодня «лесные демоны» существуют? Я мог бы написать о них статью в газету. Не волнуясь, никто об этом не узнает!

– Таких кланов сегодня в Китае нет, – строго ответила мне Яо. – Секреты «лесных демонов» поставлены на службу народной армии. Но я слышала, что у вас в Израиле и своя разведка работает неплохо... Скажите лучше, а что вы еще читали из китайской классики, кроме «Заводей»?

– Еще – «Сон в красном тереме»... А давай лучше перейдем на ты! – официальное «вы», которым обращалась ко мне переводчица, было уже совершенно неуместным.

Наверное, то же самое думала и Яо, поэтому согласилась:

– Давай!

– Так вот, – продолжил я, – еще я пытался читать «Сон в красном тереме».

– Почему «пытался»?

– Он похож на китайскую телефонную книгу. Там слишком много действующих лиц.

Яо засмеялась.

– Там я прочел, что ступню китайской девушки сравнивают с цветком лотоса. Меня всегда интересовало, как это выглядит...

Тут Яо захохотала так, что ее невозможно было унять. Китайцы вообще народ смешливый, у них самый посредственный русский юморист мог бы уметь успех (знай он китайскую специфику и язык). Отсмеявшись, она сказала:

– Это говорится про бинтованную ножку! Ступни специально бинтовали, чтобы они становились меньше – зато потом бедные девушки с трудом могли ходить. Я такую ножку видела у одной старухи. Давно уже такого нигде не увидишь...

– А как все-таки это делали?

– Завтра я тебе покажу на своей ноге, – все еще смеясь, сказала Яо.

Со своего места недовольно зачирикал водитель.

– Мы его разбудили своим смехом, – еле слышным шепотом сказала Яо.

– Давай спать.

Незаметно мы задремали, а когда проснулись, то солнце уже вовсю било в окошки автолавки, которая весело неслась по ухабам.

Когда я хоть немного обрел способность соображать, то первым делом взглянул на часы. Они показывали восемь утра...

Тогда почему мы едем? Если шофер проснулся хотя бы в пять утра, то до деревни мог добраться в лучшем случае в девять, и вернуться обратно к десяти – и то если бы в деревне нашелся свободный транспорт.

– Эй, Яо! – я выпростал из мешка одну руку и толкнул свою спутницу. Она безмятежно спала, несмотря на все вчерашние уверения в том, что китайцы встают рано.

– А, что?

– Почему мы уже выехали?

Надо отдать моей переводчице должное – она моментально оценила ситуацию и резво зачирикала с шофером, после чего сообщила мне:

– По дороге проезжал грузовик с солдатами, он подцепил нашу машину на трос и вытянул из кювета.

Я насторожился, а глядя на меня, насторожилась и Яо:

– Что делает машина с солдатами в этой глуши? – сформулировал я общую мысль. – Может быть, там находится секретная военная база? И все наши приключения вызваны тем, что кто-то мешает нам к этой базе попасть?

– Что за чепуха! – Яо засмеялась. – У нас же есть разрешение на поездку. И потом – по-твоему, наша служба безопасности действует средневековыми методами? У них есть более надежные средства.

– Например?

– Например – не разрешить нам посещение этого района!

– Твоя правда...

Я задумался. В самом деле, я же нахожусь не в старинном китайском романе, а где-то в глубинке социалистической страны. Ладно, проблемы будем решать по мере их поступления.

Где-то через полчаса машина въехала в китайскую деревню, и водитель сообщил нам, что, дескать, «поезд дальше не пойдет – рельсы кончились». С водителем мы рассчитались щедро, и он в благодарность указал нам дом, где мы смогли снять две комнатухи на втором этаже.

– Душа, понятно, здесь нет, – сказал я после того, как мы занесли наши вещи в дом, – но хоть баня имеется? Ни в одном фильме я не видел, как моются в китайских деревнях.

– Моются, не волнуйся. Я договорюсь, чтобы нам нагрели воду. Но сначала надо позвонить хозяину, сообщить, что мы на месте.

– Какому хозяину?

– Муну, – шепотом ответила Яо.

Мы зашли в ее комнатуху (в Штатах стенные шкафы и то больше), где Яо вытащила из своего баула спутниковый телефон и принялась его настраивать.

– Мы не можем звонить слишком часто, – объяснила она. – И лучше будет, если никто не узнает, что у нас есть средства спецсвязи.

Увидев спутниковый телефон, я приободрился. На самый худой конец, всегда можно будет позвонить в Израиль. Хотя максимум, чем мне сможет помочь редактор – это дать объявления в нашу газету на седьмой и тридцатый день.

Яо долго дозванивалась, потом, когда с той стороны все-таки взяли трубку, заболтала со страшной скоростью.

– Дай мне, – я протянул руку, – хочу кое-что сказать шефу.

Она секунду посомневалась, но все-таки дала мне аппарат.

– Все в порядке, босс, мы на месте, – доложил я Муну (по-английски, разумеется). – Но вы уверены, что я знаю все, что мне нужно знать?

– Дай трубку твоей переводчице, она переведет, – услышал я знакомый голос.

Яо взяла аппарат, слушала несколько секунд, потом осторожно нажала кнопку с надписью «End».

– Ну, что сказал хозяин? – с иронией спросил я, чтобы разрядить серьезность момента. Но Яо что-то думала про себя, а потом начала декламировать:

– Гром колесниц все слышней и слышней,

Белые пятна на лбах у коней.
В горнице мужа не вижу еще,
Только слуга наш по-прежнему в ней.

- Я знаю, что Мао Цзэдун стихами баловался...
- Эти слова просил передать тебе Мун, – строго ответила Яо. – Они из старинного сборника «Шицзин» – «Книги песен и гимнов».

Часть 2

ЛИ ЦЗИ (КНИГА ЦЕРЕМОНИЙ)

Хозяева затащили в наши комнаты по круглой деревянной бадье, и принялись носить горячую воду ведрами.

– А я думал, мы будем принимать ванну вместе, – пошутил я с Яо тоном заправского ловеласа.

– Тогда там не останется места для воды, – парировала китайка. – Лучше посмотри, сможешь ли ты поместиться в бадью!

Кадка (вроде той, что в России еще кое-где используется для соления огурцов) наполнилась водой и гостеприимные хозяева покинули комнату. Я с отвращением сбросил с себя пропотевшую одежду и влез в деревянную ванну...

– Эврика! – закричал я.

В коридоре послышался топот, и в комнату без предупреждения ворвалась полуодетая Яо.

– Что случилось?!

Я показал рукой на воду, расплескавшуюся вокруг моей бадьи:

– Архимед в такой же ситуации закричал: «Эврика»! Что значит: «Нашел».

– И какое же открытие сделал ты? – язвительно спросила Яо, заматываясь в здоровенное мохнатое полотенце.

– То, что я значительно крупнее любого среднего китайца. И в этой «ванне» мне просто не повернуться.

– Помойся уж как-нибудь. Мы не можем каждый день просить хозяев нагревать нам воду – в деревне это очень тяжело, и здесь не моются каждый день, как в городе.

Яо резко повернулась и пошла в свою комнату, бросив через плечо:

– Мойся, Архимед, пока вода не остыла.

Сначала я отмок, потом помылся, насколько это было возможно в небольшой деревянной бадее (при этом я чувствовал себя огурцом-переростком). Конечно, Яо в такой же посуде было посвободнее – рост китайчочки едва превышал полтора метра.

Однако когда я вылез и переоделся во все чистое, то настроение мое заметно улучшилось.

– Яо, ты где? – крикнул я.

Никакой реакции.

Осторожно я постучал в ее комнату, но и на это действие никакого отклика не получил. Еще более деликатно я приоткрыл дверь и заглянул внутрь (понимая, что если моя спутница еще плескается в лохани, то в лучшем случае запустит мне тапочкам в голову).

Но в комнате Яо было пусто, только вещи раскиданы по кровати, да лужи теплой воды вокруг бадьи.

Насторожившись, я стал спускаться вниз, и уже на половины лестницы услышал яростную ругань по-китайски. Собственно, о том, что это ругань, я догадался только по интонациям Яо, к которым начал уже привыкать.

Возле крыльца Яо препиралась с каким-то молодым военным в форме китайской армии (форма эта почему-то мне всегда напоминает о Гражданской войне).

– В чем дело?! – громко спросил я по-русски. При этом насупил брови – я здесь турист, черт возьми, приехал поддержать своими деньгами китайскую экономику...

Яо повернулась ко мне:

– Он говорит, что нам нужно покинуть этот район.

– Но почему?

– Вчера ночью здесь пропал самолет. Просто исчез с экранов радаров, и с тех пор не подавал никаких признаков жизни.

– Так вот почему сюда утром ехала машина с солдатами! – догадался я. – Но почему их так мало прислали?

– А сколько бы ты хотел? – удивилась Яо.

– Ну, хотя бы несколько миллионов... А у вас еще самолеты есть, или это был единственный?

Яо не поняла шутки и нахмурилась:

– Я лучше не буду переводить лейтенанту твои глупости. Он мне сказал, что благодаря радарам место падения известно довольно точно.

– Тогда переведи ему, что мы туристы, интересуемся местными сказаниями, а в лес ходить не будем, – сказал я.

– Как это не будем? – удивилась Яо.

– По крайней мере, пока они отсюда не уберутся.

Яо начала переговоры с представителем доблестной китайской армии, а я быстро поднялся наверх в свою комнатку и вытащил из баула новенький плеер для лазерных дисков, купленный мною в аэропорту Бен-Гурион. Стоил он, по израильским меркам, буквально копейки, что меня и соблазнило, хотя особой надобности в этом предмете роскоши я не имел (если слушаешь музыку в дороге, легко можно пропустить звонок мобильного, а журналист постоянно должен быть на связи. Дома же я имел шикарную стереосистему).

Распаковав это чудо техники, я спустился с ним вниз, нацепив наушники.

Яо продолжала о чем-то быстро чирикать, с темпераментом, который бы сделал честь любой итальянке. Китайский офицер выглядел непреклонным, но тут к ним приблизился я, на ходу снимая наушники. Повертев плеер в руках, чтобы летеха мог его рассмотреть получше, я протянул свой дар со словами:

– Нин хао! Дружба!

– О, дружба! – услышал лейтенант знакомое слово.

Тяга к современной культуре боролась в нем с верностью присяге, но культура все-таки победила (страшная сила!) Он взял у меня из руки плеер и незаметным движением сунул его себе под мундир. После чего сказал Яо, что в деревне мы пока можем оставаться, но о том, чтобы ходить в лес, и речи быть не может – там его солдаты будут искать остатки самолета и «черный ящик».

– На не интересуют современные самолеты, – успокоил я лейтенанта. – Мы собираем предания, старинные обычаи, тосты...

Яо перевела и эту шутку тоже. Надо будет потом рассказать ей о фильме «Кавказская пленница».

... интересуемся, нет ли здесь лесных духов или даосских отшельников...

– Заходить в район поисков вам нельзя, – ответил офицер, поправляя под мундиром плеер. – По крайней мере, до тех пор, пока поиски не закончатся. Но я вам обещаю – если мы найдем каких-нибудь духов или отшельников, то я лично доставлю их вам.

С этими словами он подмигнул, повернулся и пошел по деревне молодцеватой походкой.

– Не огорчайся, Яо, – сказал я китаяночке почему-то шепотом (хотя вряд ли летеха понимал русский язык). – Французы говорят: «Чтобы приготовить рагу из зайца, надо иметь хотя бы кошку».

– Ты хочешь есть? – не поняла Яо.

– Нет, – я сообразил, что шутка про кошку вряд ли может быть понята китайцами, жующими все подряд. – Это к тому, что я все-таки неплохой журналист, и нам необязательно лазить по джунглям, чтобы набрать материал на статью. Пойдем, поговорим с местными жителями...

– Ладно, – согласилась переводчица. – Будем надеяться, что солдаты здесь долго не задержатся – сделают свое дело и сматают удочки.

Яо хотелось щегольнуть передо мною знанием сленга. А я подумал: «С чего бы самолету грохнуться именно в этом месте?»

– Пойдем, пройдемся по деревне, может, найдем кого-нибудь, кто сможет нам рассказать, что здесь происходит, – Яо вышла за калитку и показала мне рукой, чтобы я следовал за ней.

Мы пошли по деревне. Она вся целиком состояла из нескольких улиц, уставленных довольно аккуратными деревянными домиками.

И здесь ничего характерного для китайской архитектуры – каких-нибудь крыш с загнутыми скатами – я не увидел. Интересно, пагода у них здесь есть? Мне же нужны колоритные фотографии для газеты!

Селение стояло как бы на вершине большого холма. Когда мы вышли на его окраину, то увидели спускающийся вниз зеленый склон, а затем огромный лесной массив, из которого вырастали уже где-то на горизонте покрытые редкой растительностью серые горы.

Между прочим, лес выглядел точно так же, как в том полусне, в который погрузил меня даос на окраине Пекина – какая-то смесь тайги и джунглей, где хвойные деревья были увиты буйно растущими лианами.

– А где народ? – наконец спросил я у Яо. Деревня казалась как будто вымершей.

– Где-где... Работают! Вот, кажется, кто-то есть, – Яо показала мне на старичка в серой рубаше и такого же цвета штанах, копошившегося на огороде. Я его, признаться, не сразу и разглядел на фоне серого же забора. Пока мы приближались, Яо предупредила: – Только не заговаривайте первым. У нас в отдаленных районах еще боятся беседовать с иностранцами.

Дедок заметил нас, разогнулся, и приветливо (как мне показалось) зачирикал. Яо подхватила, а я с умным видом некоторое время внимал их дуэту. Потом, наконец, спросил:

– Дать ему пару юаней?

– Пока не надо, этим мы только насторожим его, – почти не поворачивая головы, ответила Яо.

– А что он рассказывает?

– Говорит, пару недель назад они со старухой были в лесу, собирали хворост. Увидели там несколько огромных черепаш, хотели поймать на суп, но догнать так и не смогли.

– Старик так медленно ходит или черепахи так быстро бегали?

– Второе.

– Пускай сильно не расстраивается, я видел по телевизору, что черепахи жестковаты.

– Надо уметь готовить. И еще говорит, у них были необычные, очень красивые панцири.

– Странная история. Впрочем, как раз для газеты. А спроси у него – правда ли, что их секретарь обкома оказался лисом?

Яо перевела вопрос, на что старик что-то резко ответил и без предупреждения вернулся к своим грядкам.

– Он сказал, что это было в соседнем районе... Не надо было так говорить, простые люди боятся подобных разговоров.

Мы отошли от заборчика (старик, казалось, не обращал на нас ни малейшего внимания), и прошли по улице несколько метров, как вдруг нас кто-то окликнул. Я оглянулся – это оказалась сморщенная старуха.

Китайки и в молодости-то не часто бывают очень привлекательными (по крайней мере, на мой вкус), а уж старухи китайские страшнее ядерной зимы. Старуха быстро что-то сказала Яо и вернулась в дом.

– Что-то интересное? – спросил я у Яо, когда мы отошли от дома на порядочное расстояние.

– Она говорит, что не только секретарь уездного комитета партии, но и еще кое-кто в округе – лисы. И вообще слишком много развелось оборотней в последнее время, раньше такого не было. По-моему, старуха просто с ума сошла.

– Может быть, может быть... – ответил я неопределенно.

Что же, черт возьми, происходит в этом «Бермудском треугольнике» со штампом «Made in China»? За Великой Китайской стеной?..

Тут мои мысли плавно перескочили на тушенку с аналогичным названием (я подумал, что мы зря не запаслись ею в автолавке), а потом и к тому, что не худо бы перекусить.

– Яо, а когда здесь обедают?

– Здесь – не знаю, – ответила переводчица. – А мы – когда захотим. По здешним меркам мы же баснословно богатые люди! Только вот особого выбора ты не увидишь – тут едят разве что рис с овощами...

– Яо, но у нас же есть деньги. Давай попросим, чтобы нам приготовили... не знаю, утку какую-нибудь!

– А ведь это мысль!

Мы вернулись в наш домик, и через час хозяйка вынесла нам на веранду большую фаянсовую кастрюлю с упоительно пахнущим утиным супом.

– Садимся немедленно, – сказал я Яо, – или я сейчас же откушу от тебя кусок.

– Звучит вполне в духе китайских народных сказок, – сказала Яо, усаживаясь за низенький деревянный столик, вынесенный нам хозяйкой. – А может, ты лис?

– В Израиле лисы не водятся... Слушай, а как у вас суп едят? Палочками, что ли?

Яо рассмеялась:

– Сейчас нам принесут ложки.

Ложки оказались тоже деревянными, да к тому же еще и небольшими – как раз на китайский рот. Я принялся сосредоточенно хлебать вкусное варево, но вскоре процесс был прерван возгласом с улицы:

– А, дружба!

Бросив косой взгляд, я увидел лейтенанта, стоявшего возле калитки и глядевшего на наше пиршество. И хоть я не был знатоком китайских обычаев, но все же догадался, что аромат утиного супа сразил его наповал.

– Яо, пускай он зайдет, угостим его супчиком. В дальнейшем он может быть нам полезен.

– Давай, – и Яо зазывно помахала рукой. Как по мановению волшебной палочки китайский вояка очутился у нас за столом, перед ним появилась миска, и он принялся быстро уничтожать дармовое угощение.

– А что здесь пьют? – поинтересовался я, и хозяйка принесла нам какого-то рисового перебродившего пойла (советские переводчики, в зависимости от расположения духа, называли это пойло в книгах то вином, то пивом).

Насытившись, лейтенант пришел в расположение духа, располагающее к выдаче военных тайн:

– Мы чуть ли не полдня лазили по этому чертову лесу, – сказал он...

Чтобы в дальнейшем не отвлекаться, просто один раз скажу вам, что его речь я воспринимал через перевод Яо.

– ... и ни черта не нашли. А ведь должно что-то быть! Обычно, когда падает самолет, он вызывает лесной пожар. Да и просто следы падения должны остаться – сбитые верхушки деревьев... Ничего!

– А может быть, радар подвел? То есть самолет сначала исчез с экрана радара, потом пролетел еще какое-то расстояние и упал! Тогда, возможно, он даже не в этой долине!

– Исключено! Вы знаете, как работает система радаров?

– Да откуда же? Я простой журналист, а не летчик-испытатель!

– За самолетом следят сразу несколько фиксирующих устройств! Нет, это абсолютно исключено! Место исчезновения самолета мы определили довольно точно – в радиусе максимум нескольких сот метров. Сейчас я оставил там четверых солдат, чтобы они наблюдали за округой. Знаете, местные крестьяне могут найти «черный ящик», а потом использовать его в подсобном хозяйстве.

– Зря они оставили солдат на ночь в лесу, – сказал я и толкнул Яо под столом ногой. – Только этого переводить ему не надо.

– А может, предупредим, что мы видели?

– Не надо. Он все равно не поверит, а в случае чего подозрение ляжет на нас. Лучше спроси, не видел ли он в лесу чего-нибудь необычного.

– Обезьяну видел, – перевела Яо. – Здоровенную такую, с белым мехом. Правда, изда-лека.

У меня язык присох к гортани. Когда же я вновь обрел дар речи, то спросил:

– Говорящую?

Летеха что-то сказал, и Яо засмеялась:

– Он отвечает, что молодой девушке, вроде меня, опасно путешествовать с сумасшедшим.

Довольный произведенным эффектом, китаец добавил еще пару фраз, а Яо захохотала еще пуще:

– Еще он говорит, что если ты захочешь, он завтра эту обезьяну поймает и приведет сюда – можешь с ней поговорить.

Я криво ухмыльнулся:

– Скажи ему, что я пошутил.

Когда трапеза закончилась, наш гость вежливо попрощался и ушел заниматься своими воинскими делами. А мы поднялись в комнату, разложили вещи, и я сел делать наброски статьи для газеты. Конечно, ни факса, ни тем более Интернета в округе нет, но я хотел первый материал послать еще из Пекина – на обратном пути.

Через несколько часов, когда уже начало смеркаться, Яо зашла в мою комнату:

– Давай попьем чаю, и будем отправляться спать. Я еще раз поговорила с лейтенантом, он сказал, что мы можем пойти обследовать другой конец долины, так что завтра нам нужно пораньше встать.

– Хм, да наш вояка явно к тебе равнодушен!

Яо слегка нахмурила бровки. Мы спустились вниз, на веранду, и выпили по пиалушке великолепного зеленого чая.

– Яо, а ты мне обещала показать, как китайки бинтовали ноги! – вспомнил я.

Яо вытащила из-под столика ножку, сбросила матерчатую туфельку, и обнажила ступню (размера 33-го, если не меньше). Потом рукой загнула четыре пальчика, так что остался торчать только большой.

– Вот таким образом. А ходить они могли только в специальных туфельках.

Я, признаться, остался разочарован:

– Ну, и что же в этом красивого?

Мне показалось, что Яо обиделась:

– Не знаю, – ответила она, одевая туфельку обратно. – А нашим предкам нравилось.

Напившись чаю, мы разошлись по комнатам. Я улегся на простое крестьянское ложе и заснул сном праведника. Без сновидений – хотя, казалось бы, что может быть труднее, чем не думать о белой обезьяне? Разве что искать черную кошку в темной комнате под мат работающего там фотографа.

Утром я проснулся оттого, что Яо трясла меня обеими руками:

– Вставай! Вставай! – яростно шептала она.

– М-м! Что случилось?

Как всякий журналист, я не терплю ранних подъемов. С трудом я разлепил глаза и губы (ощущение было такое, как будто перед сном я с головой окунулся в бассейн с клеем).

– Ты правильно сказал! – от волнения в голосе Яо даже усилился китайский акцент. – Им не нужно было оставаться на ночь в лесу!

– Да что случилось, наконец?

– Что-то страшное!

– А!

Это я жутко зевнул (поверьте, звук этого зевка мог напугать толпы демонов). Спустил ноги с кровати и стал одеваться, совершенно не смущаясь присутствием Яо.

– Лейтенант бежит по деревне, как сумасшедший. Он уже был здесь и потребовал немедленно тебя разбудить.

– Чего ему надо?

Наконец я поднялся с кровати.

– Дай хоть лицо ополоснуть.

Яо провела меня к висевшему во дворе жестяному умывальнику с пипкой, из которого я и умылся. Глянул в зеркало, чтобы привести шевелюру в порядок...

В глубине отражения бился какой-то здоровенный солнечный заяц. Он напоминал ту тонкую полоску, которая начала сопровождать меня еще в Израиле, но теперь полоска изрядно увеличилась. А может, это отблески восходящего Солнца?

– Пошли!

Все еще просыпаясь, я побрел к калитке, спотыкаясь о собственные ноги. С улицы к забору подбежал лейтенант и закричал нам что-то страшным голосом.

– Почему ты спрашивал его об обезьяне? – перевела мне Яо. – Что ты о ней знаешь?

– Я просто пошутил, – никакого более разумного оправдания мне в голову не приходило.

– Солдаты, которые остались ночью в лесу – все убиты, – обычно Яо переводила бесстрастно, но сейчас ее голос дрогнул.

– Каким образом? Разложились, как тот коммунист, которого мы видели в той деревне? Да только не переводи ему, ты же видишь, в каком он состоянии! Сейчас он возьмет и нас арестует!

– Он говорит, что мы должны это видеть. Возможно, хочет заручиться независимыми свидетелями. Кстати, ты мог бы осмотреть трупы...

– Только умоляю, не говори ему, что я патологоанатом! Это будет выглядеть по меньшей мере...

– А сейчас он интересуется, о чем мы говорим, – перевела мне Яо очередную реплику летехи.

– Скажи – совещаемся, что одеть в лес.

Вернувшись в дом, я надел высокие кроссовки, серую куртку из плотной прорезиненной ткани, Яо же натянула резиновые сапожки (типа тех, что в советское время продавались в «Детском мире») и штормовку, из того гардероба, в котором строили БАМ.

До опушки леса нас живо домчал армейский грузовик, а там мы слезли и пошли пешком. Лес, к счастью, был не очень густой (издалека он казался мне непроходимыми джунглями, и я уже боялся, что путь придется себе прорубать с помощью мачете).

– Далеко-то идти хоть? – спросил я, чтобы как-то разрядить обстановку (лейтенант молчал, как рыба, и поминутно оглядывался, кроме того, нас сопровождали трое солдат с автоматами наперевес).

– Чуть больше двух километров, – перевела мне Яо ответ.

– Тебе не тяжело так быстро идти?

– Нет, – моя верная спутница улыбнулась. – А вот если бы мне с детства бинтовали ноги, то я без специальных туфель и шагу бы сделать не могла, да и в них ходила бы с трудом. Знаменитые красавицы древности в город выходили только на паланкине. Так что тебе и офицеру пришлось бы взять носилки на плечи... а я бы лежала там, как императорская наложница.

Яо звонко засмеялась. Лейтенант резко повернулся и что-то недовольно сказал, так что Яо принялась виноватым голосом оправдываться.

– Видно, произошло, в самом деле, что-то очень серьезное, – сказала она мне уже вполголоса.

В течение получаса мы добирались до места. Наконец деревья чуть поредели, и мы вышли на небольшую поляну, посередине которой была разбита армейская палатка. У входа в палатку лежали четыре пары носилок, на которых что-то было прикрыто черным пластиком.

– Вот, полюбуйте! – лейтенант, подойдя к носилкам, наклонился и откинул пластик.

Яо вскрикнула и уцепилась за меня.

У лежащих солдат отсутствовали черепные крышки, а мозг из черепов был вынут. При чем сделано все было достаточно грубо...

– Спокойно, Яо, спокойно, – похлопал я китаяночку по плечу (она отвернулась от ужасного зрелища и уткнулась в меня лицом). – Мы всего лишь убедились, что китайцы без мозгов жить не могут. А вот кое-кто из моих соотечественников отсутствия мозгов в черепной коробке даже бы не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.